

Артур Меллер ван ден Брук: Биография консерватора

Ален де Бенуа

перевод Андрея Игнатьева

«Попробовать узнать, кем был **Мёллер ван ден Брук**, это все равно, что задать вопрос судьбе Германии". Эти слова, произнесенные той, которая была его супругой (1), с трагической точностью подходят к фигуре этого теоретика неоконсерватизма, о котором до сих пор так мало известно, этого представителя "третьей силы" - Консервативной революции - которая так и не смогла никогда обрести воплощение в политической сфере, и с которой начиная с 1933-35 годов национал-социалисты боролись также, как прежде с ней боролись сторонники либеральной парламентской демократии в Веймарской республике.

Артур Мёллер ван ден Брук родился в Солингене в Вестфалии 23 апреля 1876 года. Его отец, Оттомар **Виктор Мёллер**, родом из Эрфурта, советник управления строительства, был архитектором в королевской администрации Пруссии (королевский *Baurat*). Отслужив как офицер в прусской армии в 1866-70 гг. (в то же самое время как и его брат **Рудольф**), он получил задание построить самую современную для Германии того времени тюрьму. Происходя из Тюрингии (как **Лейбниц**, **Лессинг** и **Ницше**), его род обосновался в области Гарца вблизи от Нордхаузена в начале 19 века, и имел среди своих представителей офицеров, чиновников и земельных собственников, а также множество лютеранских пасторов. Как и многие из числа видных представителей протестантской буржуазии, выросшей после 1848 года, Виктор Мёллер испытывал живое восхищение Шопенгауэром, и поэтому, конечно, неудивительно, что он дал своему сыну, который, впрочем, особо не ценил это (2), имя автора "Мира как воля и представление". Что касается его супруги, урожденной **Элизы ван ден Брук**, женщины выдающейся красоты и наделенной великолепным художественным чувством, она принадлежала к рейнской нидерландско-испанского происхождения.

Росшему в протестантской среде, одновременно лютеранской и реформистской, Мёллеру в 1890 году, когда Бисмарк ушел в отставку, исполнилось четырнадцать лет. Его юность, прошедшая в Дюссельдорфе, особенно известна из воспоминаний его первой жены, Хедды Маасе, которая была также его подругой юности. Она описывала его как юношу "постоянно задумчивого и часто погруженного в мечты", имевшего склонность к меланхолии (он редко смеялся). Также ему, несмотря на его «проницательный ум и неудержимый идеализм", совсем не удавалось играть роль хорошего ученика, учитывая то, что у него было столько других вещей, чтобы заниматься ими, кроме домашних заданий. Это поколение, которое называли поколением конца века, каждую литературную новинку воспринимало как событие государственной важности, поглощало социальную, а значит новую, лирику и постоянно искало совета и поддержки у Ницше. "В течение месяцев и даже лет, - добавляет **Хедда Маасе**, - он появлялся после полудня точно в пять часов в доме у моего отца, всегда молча садился в один и тот же угол дивана, и именно в этот момент в кругу товарищей по учебе завязывалась живая, зачастую ожесточенная,

дискуссия по проблемам общественной жизни, которые начинали связываться с литературой и искусством".

Молодой Артур, который, как говорят, был расстроен плохим гороскопом, на самом деле был трудным ребенком - можно сказать, почти бунтарем, - который быстро заставил своих родителей оставить надежду увидеть его кадровым военным. Три года до получения аттестата бакалавра он бросил лицей в Дюссельдорфе, а до этого в одной из самых крупных городских газет он анонимно опубликовал статью, которая была крайне враждебной по отношению к местным художникам. В этой статье он поведал о сильном впечатлении, произведенном на него выставкой творений **Эдварда Мюнха**. Был ли его уход добровольным? Или, напротив, Мёллер был исключен дирекцией лицея? Хедда Маасе (письмо **Фрицу Штерну** от 12 сентября 1959 года) склоняется в пользу первой гипотезы. Но его вторая жена, **Люси Мёллер ван ден Брук**, была уверена (письмо Фрицу Штерну от 8 августа 1951 года), что он был изгнан из заведения за то, что показал независимый дух и немного слишком личного любопытства. Статья о Мюнхе была только предлогом. "Подлинные причины, по которым он оставил гимназию в Дюссельдорфе, - писала она, - происходили из его творческого восприятия жизни. (...) Университетская рутина вызвала в нем отвращение. (...) Он хотел пополнять свои знания скорее из путешествий, а не из книг. Он говорил, что он по природе своей наблюдатель (ein Augenmensch)". Точно такого же мнения придерживался и Пауль Фехтер (3).

Начались годы странствий - Wanderjahre. В апреле 1895 года Мёллер вначале направляется в Эрфурт, к родителям, чтобы сдать экзамены на аттестат зрелости. Хедда Маасе, ставшая официально его невестой, сопровождала его в путешествии. Но молодой человек вновь столкнулся со школьными трудностями. В 1896 году на Пасху он переезжает в Лейпциг, где скоро ведет богемный образ жизни. Записавшись в университет, он только очень нерегулярно посещает лекции специалиста по психологии Вильгельма Вундта и историка Карла Лампрехта. На деле, именно в значительной мере путем самообразования он обогащает свои знания. "Его университетами, - писал Герд-Клаус Кальтенбруннер, - были литературные кафе, театральные премьеры, мастерские художников-авангардистов, выставки и бесчисленные белые ночи, благодаря которым он увеличивал познания в области литературы и истории искусства (4). В Лейпциге Мёллер познакомился с поэтом-лириком и символистом **Францем Эверсом** и с историком искусства **Хансом Мерианом**, преемником приверженца натурализма **Германа Конради** на посту главы редакции журнала «Гезельшафт». Именно в этом издании, считавшимся авангардистским, он опубликовал свои первые литературные статьи, посвященные современной драме и лирическим произведениям **Ричарда Демеля** и **Пржибишевского** (5).

В том же самом 1896 году, в месяце августе, Мёллер в возрасте двадцати одного года женился на Хедде Маасе и обосновался в Берлине. Наследство его бабушки по материнской линии позволило молодой паре перебраться в маленькую виллу на берегу озера Тегель. По правде говоря, Мёллер не особенно любил столицу рейха, которая, по его мнению, была только тенью своего великого прошлого, и он только ошибался на счет ложного «национального» пафоса «поколения 1888 года». Но именно здесь он начал по-настоящему принимать участие в политической и литературной жизни своего времени.

После своего прибытия в Берлин он завязал контакты с различными кругами приверженцев модернизма в литературе. Прежде всего он посещает кафе «Черный поросёнок», где собирались **Рихард Демель, Франц Эверс**, пианист и композитор **Конрад Анзорге, Август Стриндберг** и другие скандинавские писатели. Также он знакомится с анархистами вроде **Ведекинда**, приверженцами натурализма, такими как **Герхард Гауптман** и формалистами наподобие **Стефана Георге**. Равным образом Эверс познакомил его с **Рудольфом Штейнером**, отцом антропософии, художником **Фидусом**, который будет одним из видных представителей молодежного движения (Mouvement de jeunesse), **Вильгельмом Лентродтом, Петером Хиллом, Людвигом Шарффом, Максом Даунтендеем, Францем Зервесом, Вилли Пастором, Арно Хольцем** и т.д. Чтобы найти средства к существованию, он вместе со своей женой занимался переводом ряда авторов: **Даниэля Дефо, Томаса де Квинси, Бодлера, Ги де Мопассана, Барби д'Оревилля, Эдгара По** (6). Он сотрудничал также с изданием «Цукунфт» **Максимилиана Гардена** и начиная с 1899 года публиковал свои первые настоящие работы, написанные им самим. В 1902 году он издает книгу под заглавием «Варьете», содержащего анализ вошедшего в моду жанра, представленного творчеством Ведекинда. В том же самом году под заглавием «Современная литература» десять уже ранее по отдельности опубликованных и посвященных современным авторам монографий (7). Эти очерки имеют разную ценность, но Мёллер выступил здесь достаточно уверенно. «Для такого молодого человека это (...) впечатляющее достижение», - так прокомментировал это Фриц Штерн. Мёллер писал **об авторах, чья известность и талант давно уже были широко признаны, речь шла о Герхарте Гауптмане, Стефане Георге, Гуго фон Гофманстале, Петере Альтенберге, Франце Ведекинде, Максе Даунтее, Рихарде Демеле** и о молодых поэтах вроде **Альберта Момбера** и Станислава Пржибишевского. Книга содержала критику импрессионизма в литературе, но прежде всего критику натурализма, представленного Арно Гольцем, которого Мёллер упрекал в том, что тот понимал задачу писателя в простом отображении реальности. У Мёллера равным образом сквозила явная неприязнь по его отношению к вильгельмовскому обществу, с его культурным «мещанством», буржуазной показухой, дешевым патриотизмом и социальными контрастами. Эта первая часть творчества Мёллера представляла собой нечто вроде «фотографического отображения духа конца века» (Армин Мелер).

В это время Мёллер ван ден Брук еще, собственно говоря, не занимался политикой. Однако он читал работы **Хьюстона Стюарта Чемберлена**, автора «Происхождения 19 столетия» (будучи далеким от того, чтобы разделять все его взгляды) и особенно **Юлиуса Лангбена**, немца, «безумного от **Рембрандта**», который произвел на него большое впечатление. Но влияние, которое в наибольшей степени ощущается у него, это влияние Ницше, которому он к тому же посвятил первый том серии своих литературоведческих статей. Поэтому (в «Современниках») он напишет: «Ницше стал нашим **Руссо**» и добавит: «И современное естествознание и техника были нашей революцией». У автора «**Заратустры**», сочинения, которое он превозносил в 1896 году как самую великую книгу века, ему нравилось прежде всего то, что он определил литературу как «жизненную функцию» и в тоже время как выражение «общественной веры». Противопоставляя «пьянящий оптимизм» Заратустры шопенгауеровскому пессимизму, он видел в Ницше того, кто сумел призвать инстинктивную жизненную силу, чтобы порвать с реакционным пристрастием к прошлому, который превозносил человека-гения и видел в искусстве

средство возрождения всего общества. Касательно Ницше, писал Рой Паскаль, он был убежден, что тот принадлежа будущему, является по своей сущности революционером, не имеющим предшественников, и о нем невозможно судить по меркам прошлого, и что будущее «за гранью добра и зла» (8). «Варьете» содержит к тому же критику «яда» христианства, явно вдохновенную Ницше. Но зато Мёллер отбрасывает тему сверхчеловека, который для него является чем-то слишком неопределенным и которого он интерпретирует как выражение чувства личной неудовлетворенности, испытываемого его создателем. Видно, что уже в этих первых работах появляются темы, которые Мёллер разовьет позже на систематической основе, к ним относятся яростная критика буржуазных ценностей и неприятие преклонения перед прошлым. Мёллер не колеблясь возносит хвалу всем новаторским течениям своего времени. Он поддерживает модернистские тенденции в архитектуре и в области изобразительного искусства, с энтузиазмом пропагандирует принципы разрыва с прошлым. Он пишет две статьи для журнала «Югенд», который дал свое название модерну (Jugendstil) или арт нуво — «новому искусству» (9). Позднее он будет выражать свои симпатии к экспрессионизму, затем к итальянскому футуризму (10). Как пишет **Денис Гельдель**, «Мёллер неоспоримо делал реверансы в сторону авангарда, при разрыве с официальным академизмом, и он, если оставить в стороне более сложный казус Ницше, хотел быть выразителем духа современного индустриального общества» (11). А значит, Мёллер отвергает культурный пессимизм. Современность, на его взгляд, это обещание, которое, на его взгляд, исполняют «великие бунтовщики», которые испытывают «побудительные интуиции» и находят в глубинах их души и их поэтического воображения достаточно возможностей, чтобы противопоставить посредственности, царящую в их эпоху, преимущественные права духа (12). Уже в «Варьете», добавляет Гедель, [Мёллер] категорически утверждал, что современность не есть нечто упадническое, и отвергал тип декадента-пессимиста, который черпает наслаждение в своем декаденстве, точно также для него был неприемлем современный культурный пессимизм, которому он противопоставлял осязаемые достижения современности, по отношению к которой эпоха, в которую жили наши предки, представляет скорее «плохие старые времена»! И в 1912 году он с яростью обрушивается на критиков современности, на менторско-пасторальных *Zeitanklaeger*, которые нападают на цивилизацию, которая их окружает, потому что они чувствуют себя плохо в своей шкуре (13).

Параллельно этому, у Мёллера проявляется уже явная тенденция в явлениях литературной и художественной жизни немало симптомов, характеризующих дух эпохи. Для того чтобы узнать характер разных народов, утверждает он, искусство дает намного больше ключей, чем политические и общественные институты. «Как многие интеллектуалы конца века, - замечает Клеменс фон Клемперер, - Мёллер испытал влияние тезиса Буркхардта, народ не может в одно и то же время обладать великой культурой и политической значимостью» (14). Это выливается у него в примат эстетики: образ общества это прежде всего художественный образ. Вслед за Рихардом Демелем он проповедует страстную веру в предназначение искусства, вплоть до того, что от него можно было услышать, что оно даже может занять место религии. «У нас есть искусство, - писал Мёллер, - искусство, которое сделало религию излишней и дало гражданам современного мира уверенность, которую могла дать только вера в Бога» (15). Буржуазия, добавляет он, глубоко неспособна понять содержание искусства, потому что она не обладает чувством священного и потому что ей чужда всеобщая борьба, чьим проявлением также является

искусство: «война великолепна и содержит в себе много больше человеческого достоинства, чем самовлюбленное самоудовлетворение. Борьба души и страстей дает нам наших самых великих королей и наших самых лучших героев. Вечный мир, единственное, что может нам дать ничтожная обывательская буржуазия, был бы только невыносимой скукой» (16). В том же самом году, в котором Мёллер публикует свой большой, относящийся к литературной критике очерк, одно событие резко изменит его судьбу. Осенью, едва закончив совместный с женой перевод романа «**Молль Фландерс**» Даниэля Дефо, Мёллер бежит во Францию через Швейцарию с намерением отправиться в Америку (мечта, которой никогда не суждено было сбыться). Слово «бежит» это не преувеличение. Но причины этого стремительного отбытия были несколько туманными. Его супруга, которая была в то время беременна, позже напишет эти пророческие строки: «Чтобы избежать невыносимых обстоятельств, в которые его поместила судьба (...) Мёллер ван ден Брук, невинная жертва своих страхов, уехал в Париж, а я в своей сложной ситуации осталась одна» (17). В действительности, Мёллер просто решил уклониться от воинской повинности (18). Казарменная жизнь была полной противоположностью его идеалу, но это не помешает ему в удачный момент поехать на войну! - и антипатия, которую вызвала у него вильгельмовская бюрократия, была безграничной. И вот он непокорный изгнанник. Его брак, уже давший некоторую трещину, не пережил разлуки: вскоре после рождения сына 26 декабря 1902 года Хедда вновь выходит замуж за **Херберта Оленберга**, молодого драматического актера, которого Мёллер представил ей в 1901 году и от которого она родит ребенка в 1904 году (19).

В Париже Мёллер ван ден Брук вновь встретился с Францем Эверсом и **Максом Даутендеем** и познакомился с художником Эдвардом Мюнхом. Он постоянно посещает общество любителей изящных искусств, его можно встретить, чаще всего без гроша в кармане, в Клозери дэ лила (Closerie des Lilas). Но в то же время его взгляды становятся все более определенными. Вслед за многими немцами, именно оказавшись за границей, он по-настоящему осознает свою принадлежность к немецкой нации. Смотри на свою родину издали, он по-новому видит и чувствует живое восхищение при виде противоречий, которыми она разрывается. Равным образом он поражен фактом, что Франция, в противоположность Германии, кажется «продумывает» свою политическую жизнь — и что эта политика оказывает решающее влияние на культуру. Именно в это время он начинает выступать с позиции национализма. Он никогда не связывал этот термин с какими-либо банальными шовинистическими настроениями, ни с пангерманизмом, с которым он не чувствовал почти ничего общего, но со ставшим полностью осознанным чувством солидарности с культурой, наследником которой он себя ощущал. Так понемногу эстет превращался в писателя, занимавшего определенную общественно-политическую позицию. Мёллер принялся за написание огромного труда, повествующего о жизни «Знаменитых немцев»: всего восемь томов, объединенных под названием «Немцы» (Die Deutschen), чья публикация растянется между 1904 и октябрём 1907 года. Если использовать выражение, к которому прибегнул Ханс Шварц, им владела амбиция быть нечто вроде «немецкого **Плутарха**». С ним произошли большие изменения. В письме от 16 февраля 1920 года, адресованном Фридриху Швайссу он напишет: «Я посвящал себя [отныне] самым разным вещам. Жизнь заменила литературу. Я был немцем, жившим за границей. Я ощущал, что между народами существуют различия. Я чувствовал, что мы накануне великого столкновения. Результатом было написание

«Немцев», труда, имеющего образовательную ценность, который должен был привить нации национальное сознание, труда, в котором история подвергалась анализу с целью показать ее предназначение». Также это будет его первая книга, подписанная «Мёллер ван ден Брук». Восемь томов «Немцев» представляли собой сборники биографий великих людей, объединенных по принципу сходства: государственные деятели, философы, художники и т.д. Целый том посвящен Гете как человеку, воплощающему идеал немецкого духа. В этой серии, где чувствуется влияние **Достоевского** и также **Карлейля** и **Эмерсона**, Мёллер сопоставляет два великих типа, присущих духовной жизни: тип «проблематичный» (который воплощается в **Гамлете Шекспира**) и тип пластичный (который воплощается в **Фаусте Гете**) и стремится классифицировать эти персоналии по роли их вклада в становление национального самосознания. Именно в этом смысле «Немцы» представляют собой книгу, задуманную для того, чтобы дать немецкой нации «уверенность в себе», «книгу приготовления» (Vorbereitsbuch), учитывая грядущие события. Уже в первом томе Мёллер заново утверждает, выступая как полемист: «Нации необходим прилив свежей крови, восстание сыновей против отцов, замена пожилых молодыми» (20). Также именно в этой серии он делает набросок и начинает развивать свою критику либерализма: «Либерализм меньше всего имеет общего со свободой (...) Его свобода это только свобода для индивида стать посредственным человеком» (21). Но его обращение почти не будет услышано: в 1908 году на «Немцев» была только одна рецензия, появившаяся в разделе для детей одной берлинской газеты!

Мёллер также публикует очерк о берлинском театре и исследование в духе своего крупного литературоведческого труда, написанного в 1902 году, под названием «Современники», где он анализирует творчество некоторых зарубежных художников и писателей: **Чемберлена, Макса Клингера, Эдварда Мюнха, Стриндберга, Родена, Метерлинка, Горького, д'Аннунцио, Теодора Рузвельта** и т.д. «Французский театр», который выходит в серии монографических работ «Театр», издаваемой под руководством **Хагеманна**, подвел итог картинке, которую Мёллер адресовал французскому духу, который он считал жертвой разрушительного скептицизма и постоянной иронии, несовместимых с настоящим творчеством в сфере культуры. Работа Мёллера представляет собой фактически свидетельство обеднения и упадка французской театральной жизни. Во Франции, категорически заявляет Мёллер, нет условий, необходимых для возрождения театральной жизни! (22)

В «Современниках» продолжились размышления, начатые в «Немцах». Мёллер убежденно утверждает, что мы живем в межвременье, эпоху перехода, отмеченную наступлением новых расколов и появлением новой культуры. Этот самый период, который можно сравнить с междуцарствием, важно суметь распознать знамения, чей мир обширен. Подлинная свобода, говорил еще Гегель, состоит в том, чтобы понять природу необходимости момента. Мёллер, в свою очередь, заявляет, что человек тем больше является творцом, чем больше он чувствует все то, что является императивами настоящего времени, то есть что он может быть свободен, только стремясь к цели, которая прочно зависит от эпохи, определяющей его предназначение (23). Также устанавливается связь между отдельным индивидуумом и народом, к которому этот индивидуум принадлежит. Немецкое общество своего времени Мёллер отныне упрекает прежде всего в том, что оно создало пропасть между бесплодным в творческом отношении правящим

слоем и творческими силами народа. Также он вновь прибегает к классическому противопоставлению «культуры» и «цивилизации»: «Культура обращена к духу, цивилизация — к желудку» (24). Наконец, он проявляет интерес к метафизике в духе псевдоэкзистенциализма, противопоставляя, вопреки всем модернистским тенденциям, преимущественные права Бога-Отца правам Сына: «Для кого Христос? Для сильных или для слабых, для ничтожных времен или для великих эпох человечества? Ответ на этот вопрос совести может быть только: для ничтожных времен и для слабых людей. Одна только наша гордыня могла бы нам воспрепятствовать беспрестанно призывать Христа. Все же он остается только Богом — даже если мы знаем, что он не существует» (25).

Живя в Париже скорее на птичьих правах, Мёллер знакомится с той, которая в ближайшем будущем станет его второй женой, юной латышкой **Люси Керрик**. Она, в свою очередь, сводит его с русским поэтом и мистиком **Дмитрием Мережковским**, под влиянием которого он погружается в чтение Достоевского. Это становится для него откровением. Молодой немецкий эмигрант обнаруживает существенную близость с великим русским писателем: определенная склонность к пророчествованию, критика «западнизма» (occidentalisme), чувство трагического — а также та идея, которая вскоре пробьет себе дорогу, согласно которой существуют «старые народы» и «молодые народы». Мёллер решает посвятить себя служению идеям Достоевского. Сумев убедить издателя **Мюнixa Рейнхарда Пипера**, он при помощи сестры Люси, **Лесс Керрик**, взялся за перевод всех произведений великого русского писателя. Переводное собрание его сочинений выходило с 1905 по 1915 годы в двадцати двух томах, будучи результатом совместных усилий Мёллера, Мережковского и «**Е.К. Расина**» (псевдоним сестры Люси). Первый том содержал перевод «Идиота». Для каждого произведения Мёллер писал обстоятельное введение. В одном из этих предисловий он представил Достоевского как «революционера от консерватизма». Переводчиков ждал большой успех: в 1922 году было продано 179 тыс. экз. (26). Этот огромный переводческий труд, который помимо всего прочего являлся неоспоримым интеллектуальным подвигом, не мог быть не связан с тем чарующим воздействием, которое Достоевский произведет на немецкую молодежь непосредственно до и после первой мировой войны (это было влияние, сравнимое с тем, которое немецкая философия имела на русскую интеллигенцию 19 века). **Бердяев** говорил, что человеческие души можно разделить на два типа: те, которым ближе Толстой и те, которых больше привлекает Достоевский. Для Мёллера и для большей части его современников Достоевский был очевидным примером для подражания, в противоположность «западному» либерализму и левацкому христианству **Толстого** — парадокс заключался в том, что это чувство внушило большому количеству молодых немцев вообще симпатию к Советскому Союзу, идеологи которого сделали совершенно недвусмысленный выбор в пользу Толстого (в ком Ленин увидел «зеркало русской революции»). Дело в том, что сразу после Великой войны «ориентация на Восток» (Ostorientierung) явилась для многих немецких националистов единственной возможной альтернативной порядку, установленному Версальским договором. «Русский человек, - скажет Рейнер Мария Рильке, - показывает мне в стольких примерах, как даже рабство и страдания, подрывающие постоянно все возможности сопротивления, не приводят с неизбежностью к гибели души. Состояние покорности для славянской души оказывается таким совершенным, что даже под самым тяжким гнетом, оно становится игрой, четвертым измерением ее бытия, в котором даже в обстоятельствах таких

печальных, какие только могут быть, для нее открывается новая свобода, безграничная и несущая подлинную независимость». Россия Достоевского станет одной из отдушин для тех, кто отвергает Запад, будь ли то Запад, подвластный римскому папе или Запад восходящего англосаксонского могущества. **Кристиан Моргенштерн** так обобщил опыт, который он получил в результате знакомства с Достоевским: «После чтения его произведений только заново с трудом смотришь на путь, по которому идет Западная Европа». Благодаря автору «Идиота» и «Преступления и наказания» Германия не сможет более смотреть ни на Юг, ни на Запад, ни даже на Север, но только на Восток, этот Восток, который является одновременно географическим направлением, политическим выбором и «волшебным» миром, представлял модель для того, чтобы изменить облик западного упадка (27). Известно, что эта точка зрения будет доведена до крайности различными «национал-большевистскими» течениями и в особенности **Эрнстом Юнгером**, который напишет: «Россия нужна нам ни для временного, а для вечного союза (...). Именно эти два великих народа, русский и наш, в силах изменить лицо мира» (28).

Прожив четыре года в Париже, **Мёллер ван ден Брук** отправился вместе со своей женой в Италию. 1906 год он проводит во Флоренции, где прежде всего работает в архивах и городской библиотеке. Он знакомится с двумя родоначальниками экспрессионизма (обоих в Третьем Рейхе объявят «вырожденцами»), драматургом Теодором Дойблером (1876-1934), автором знаменитого сборника поэм «северный свет» (29) и художником, писателем и скульптором **Эрнстом Барлахом** (1870-1938), который получит премию **Генриха фон Клейста** в 1924 году (30).

Пребывание в Италии знаменует рубеж в творчестве Мёллера, который в дальнейшем в значительной степени посвятит себя изучению художественных стилей и особенных ценностей различных народов. Мёллер обрел убеждение, что каждый народ обладает собственным чувством ритма и внутренней жизнью, которая ему присуща, и что она находит свое выражение главным образом в однородном национальном художественном стиле. «Культура, - говорит он, цитируя **Ницше**, - это прежде всего неизменность художественного стиля во всех жизненных проявлениях народа». Изучение «национальных характеров» было тогда в моде по всей Европе. В Германии те, кто занимались этим, нашли в **Гердере** одного из своих великих предшественников. Для Мёллера стиль представляет элемент постоянства, путеводную нить, которая связывает одни с другими различные периоды жизни народов. Определяемый как «духовное искусство», он находит свое выражение в прекрасном и принимает даже метафизическое измерение: именно подчиняясь стилю, человек превосходит свое онтологическое несовершенство.

Идея, что существуют «молодые народы» и «старые народы», продолжает постепенно овладевать умом Мёллера. Он даже задумывает проект нового труда, который бы развил эту идею, начав с исторического исследования, и который бы составил шесть очерков, объединенных в два тома, плюс том, посвященный презентации труда. Предметом первого тома, посвященного «старым народам», были «итальянская красота», «французский скептицизм» (Zweifel) и «британский здравый смысл» (Menschenverstand), во втором, где речь шла о «молодых народах», описывались «немецкое мировоззрение» (Weltanschauung), «американская воля» и «русская душа». Все это вместе образовывало бы связное повествование о «ценностях народов» (Die Werte der Voelker) и представляло

бы нечто вроде энциклопедии литературных и художественных стилей, являвшихся выражением национальных творческих сил (31).

На деле Мёллер прежде всего хотел показать, что «старые народы» это те, «совершенство» стиля которых свидетельствует об истощении их творческих сил, завершении их миссии, в то время как существенной характерной чертой молодых народов являлось то, что они еще не обрели единства их стиля, потому что они сами являются «незаконченными», у «молодых народов» огромные возможности, потому что благодаря жизнеспособности их культуры они находятся в начале их эволюции. Это противопоставление скрывает в значительной степени классическую антиномию между культурой и цивилизацией, которую можно будет в будущем отыскать и в «Размышлениях аполитичного» **Томаса Манна** (32). Но у Мёллера не окажется времени воплотить в жизнь свой проект. Увидит свет только первый очерк, посвященный итальянской красоте (33).

Это объемный и богато иллюстрированный труд, «Итальянская красота» представлял собой прежде всего очерк о культуре, искусстве и истории Италии с самого начала и вплоть до Возрождения. Мёллер обстоятельно исследует в нем различные влияния: этрусское, греко-романское, византийское, мавританское, франкское, ломбардское, тосканское и венецианское, критикуя местами римский империализм и период барокко и превознося при этом период готики и Кватроченто. В противоположность Буххардту, который относил апогей развития итальянского искусства ко времени Ренессанса, он считал вершиной итальянской «классики» «итало-германство», между 13 и 15 столетиями. Итальянская красота, писал он, родилась в этрусской Тоскане, откуда постепенно распространилась на папский Рим, Равенну, подвластную византийским готам, германскую Ломбардию и мавританскую Сицилию. Она стала результатом брака между находящимся в процессе возрождения изначальным тосканским духом и еще бьющим ключом германских влияний способом, который можно определить как плод равновесия между творческой жизнью, наполненной бьющей через края энергией, и принципами порядка, еще не ставшими условными и «цивилизованными». Художником, который лучше всех представлял этот апогей, был Пьеро делла Франческа, так как он совсем один выражал в себе вкус умбрийской земли в абстрактном порядке Тосканы (34). Позднее кафедральный собор Пизы, построенный в 1603 году, выступил как символ «запоздалой победы этрусского дома над римской базиликой, над византийским куполом на крестообразной основе, над ломбардским пистляром, вытеснившим античную колонну, и над стрельчатым сводом сицилийских мечетей». Ренессанс, в противоположность, означает прежде всего начало упадка: «Классицизм **Рафаэля** или **Микеланджело** имеет другую природу. Рим, где они работали, не был более сосредоточием религиозного пыла. Искусство, которое он породил, было современным «сентиментальным» искусством, в смысле, который Шиллер придавал этому термину, то есть искусством, которому не присущи ни простодушие, ни убежденность» (35). К тому же Мёллер упрекал **Гете** за его любовь к Рафаэлю!

Книга «Итальянская красота», которая в коммерческом отношении впрочем оказалась неудачной, позволила Мёллеру уточнить свои взгляды. Чтобы объяснить культурный и художественный гений Италии, он обратился к истории людей и природы. Национальное искусство, по его мнению, является результатом взаимодействия географических условий

(ландшафта, пространства и климата) и не связанных между собой этнических компонентов, которые закладываются в горнило культуры и истории, чтобы позволить родиться художественному стилю и придать форму коллективной жизни, «двигаясь от внутреннего к внешнему». Момент, когда это слияние является наиболее интенсивным, обозначает апогей национального искусства, чей упадок начинается тогда, когда на место внутренней органической культурной связи приходит связность чисто внешняя (процесс, который согласно Мёллеру, в Италии начался после Микеланджело и в Пруссии сразу после войны 1870-71 гг.

Итак, ключевым элементом для каждого народа является его «особая историческая судьба». Конечно, «новая форма постоянно берет начало из нового духа», также как «новый дух всегда берет начало из новой крови», но Мёллер ван ден Брук поостерегся впасть в «биологизаторство», как Людвиг Вольтманн (36), это направление он считал только вариантом «натурализма», который критиковал уже тогда, когда жил в Берлине. Та манера, в которой Вольтманн все достижения итальянской культуры «германскому элементу» (ломбардскому, прежде всего), основывалась, как он писал, исключительно на предубеждениях. Для Мёллера «расы являются причиной и нации осуществляют то, сем мы сегодня живем», но между двумя понятиями не существует механической однолинейной связи: нация, это не «средство» расы. Мёллер впрочем добавляет: «Расы не существует, она находится в процессе становления. И также она не творила историю, но только творила народы, которые творили историю в свою очередь». Также как он будет это неоднократно подчеркивать, Мёллер хочет сказать здесь, что концепция расы неприменима к истории современных наций, так как исторические условия вызывают такие мощные изменения, что они делают незначительными первоначальные этнические характеристики (там, где наличествует общность происхождения). Так Франция и Англия, хотя их население принадлежит большей частью к «германской расе», с исторической точки зрения, имеют диаметрально противоположную от Германии направленность развития — когда философский скептицизм **Монтеня** пришел на смену духу **Рабле**, или когда экономический утилитаризм **Бэкона** взял верх над духом **Шекспира**.

Эта манера рассмотрения, как мы увидим позднее, также отдалила Мёллера от Шпенглера. Для Мёллера ван ден Брука национальные стили не обладают «морфологическим» существованием, сравнимым с существованием живых организмов, также не существует «подобия» в стадиях развития культур, независимо от эпохи и людей. Эволюция стилей зависит скорее от постоянных изменений, которые невозможно предвидеть заранее, и в нее вмешиваются как политические и социальные факторы, так и геополитические условия существования наций. Изучение стилей не дало бы возможность выделить какую-либо «духовную науку», которая позволила бы приписать любое художественное произведение морфологической стадии развития культур и народов. Искусство также не является простым подражанием, простым отражением природы, но скорее выражением духовной реальности, которая, напротив, сама придает форму природе. Художник, подчеркивает Мёллер, творит начиная с законов, которые не имеют ничего общего с законами природы: стиль это «больше, чем природа» (*Stil ist Uebernatur*), потому что сам человек больше, чем природа. Все развитие художественной культуры воспринимается как «происходящее в образе подъема стиля и упадка натурализма».

Уже в 1907 году Мёллер вновь начинает путешествовать. На этот раз его снова ждут безостановочные странствия. В сопровождении своей жены Мёллер возвращается сначала

в Берлин, где добивается постановки на воинский учет. Затем, в 1910 году пара путешествует по Англии, по Франции и по Италии. В 1912 году он посещает Финляндию и Россию, в 1914 — Данию и Швецию. Очевидно, Мёллер почти не испытывал удовольствия от жизни в Германии. К тому же не изменилось его отношение к династии **Гогенцоллернов**. В 1913 году, когда отмечалась двадцать пятая годовщина восшествия кайзера на престол, в обозрении «Ди Тат» он публикует статью, содержащую яростную атаку на дурной вкус официальной архитектуры, которую он обвиняет в полном отсутствии стиля, неоднократно проводя связь между эстетикой и политической ситуацией того времени (38).

Однако, во время, когда разразилась война, он ни минуты не колеблется. Надо сказать, что ощущение важности события не прошло мимо ни одного человека его поколения. Это была мобилизация с воодушевлением, вызванным «идеями 1914 года», повлекшая гражданский мир, временное прекращение внутривосточных распрей (во Франции будут говорить о «священном единодушии»). Это также было концом мира. После начала военных действий эмигрант, уклонявшийся от военной службы с 1902 года, прерывает свое путешествие по Скандинавии и возвращается в Берлин. Вопреки противоположному мнению военного врача — здоровье Мёллера, которое никогда не было отличным, начало ухудшаться — он поступил на военную службу в Кюстрине и отправляется на войну добровольцем как боец ландштурма, то есть солдат второго класса. Его направляют на Восточный фронт (39). Двумя годами позднее, осенью 1916 года он был признан непригодным к военной службе из-за нервного расстройства, чьи первые проявления были у него уже в детстве. Благодаря вмешательству его друга **Франца Эверса** его перевели в Берлин, в центральную службу прессы и пропаганды Военного отдела иностранных дел, службы, созданной Людендорфом, которая в мае 1918 года будет преобразована во Внешний отдел верховного армейского командования. Среди его коллег были писатели **Вальдемар Бонсельс**, **Герберт Ойленберг**, **Ганс Гримм**, **Фридрих Гундольф** и **Борис фон Мюнхаузен**.

Именно на этой должности определенно подтвердилось его призвание литератора, пишущего на политические темы. Именно там он также приобрел, без сомнения для нужд военной пропаганды (40), характерный стиль, который скоро станет его, на основе резких выражений, чеканных, чтобы быть сдержанным, и его статьи того времени давали уже немало примеров этого стиля. В бюро пропаганды Мёллер, которому было в ту пору уже сорок лет, варился в среде очень отличной от той, которую он знал до сих пор. Он знакомится с журналистами, публицистами, высшими функционерами, экономистами и политиками, которые после войны пойдут тем же самым маршрутом, что и он. Именно тогда во время зимы 1916-17 гг. он встречает **Макса Гильдебурга Бема**, немца, весьма сведущего в проблемах Востока, вместе с которым он задумал проект изгнания после наступления мира газеты, которая вдохнет новую жизнь в консервативную идею. Бем вводит его в кружок турингского барона **Генриха фон Гляйхен-Руссвурма**, земельного собственника и «светского льва», тесно связанного с промышленниками и деловым миром. В Берлине Мёллер также часто посещает таверну на Оливер-платц, «Моргентиш», где он встречается не только с Эверсом и **Теодором Дойблером**, но и с биологом **Якобом фон Юкскуплом**, врачом **Карлом Людвигом Шляйхом**, критиком **Паулем Фехтером**, автором (в 1914 г.) первой монографии, посвященной экспрессионизму, философом **Максом Шелером**, музыкантом **Конрадом Анзорге**, также как **Альбрехтом**

Хаусхофером, сыном известного геополитика **Карла Хаусхофера**, который был приговорен к смерти и казнен за его участие в заговоре 20 июля 1944 года. Он пишет все больше и больше. Его статьи можно было прочитать в таких газетах, как «Дер Таг», «Ди Кройццайтунг», «Берлинер Борсенцайтунг», «Бадише Ландесцайтунг», и также в таких известных периодических изданиях, как «Дас нойе Дойчланд», «Дойче Рундшау» и «Пройсише Ярбюхьер», что скоро сделало его знаменитым.

Именно тогда же, в 1916 году, Мёллер ван ден Брук опубликовал свой очерк, посвященный прусскому стилю, «Der preussische Stil», который иногда считали его лучшей книгой — и в которой можно увидеть также отданную им скрытым образом дань уважения своему отцу. Этот труд, начатый еще до войны, и, кстати, без особой связи с официальной пропагандой, являлся продолжением очерка, посвященного «итальянской красоте». В характерной манере Мёллер предается здесь новому упражнению, переходя туда и назад между сферой искусства и сферой политики. По ходу исследования распространенного в Пруссии архитектурного стиля постоянно он стремится предаваться именно размышлениям о Пруссии и «пруссачестве». Книга открывается такими словами: «У Пруссии нет мифа. Однако, пруссачество это принцип, пребывающий в мире (ein Grundsatz in der Welt). Культуры разных народов начинаются с мифов. И как государства, они строятся на основе принципов». Эта разница между мифом и принципом позволяет понять то, что отделяет Пруссию от Италии. Тогда как в Италии существует важный миф о начале, который передается из поколения в поколение, в Пруссии есть только разрыв, чистое начало. «Пруссачество», которое Мёллер рассматривает несколько по-другому, чем **Шпенглер** (41), является прежде всего принципом деятельности *nisus formativus*. В то же самое время оно представляет идею синтеза, всеохватывающую форму (Gestalt), которая позволила объединить в один народ германцев и славян. «Пруссачество, - пишет Мёллер, - это принцип, который стремится определить то, в чем заключается сущность прусского духа, распространившегося далеко за пределы страны, в которой он родился. Именно по этой причине существуют пруссаки не только по рождению, но и «по выбору», как **Гегель** и другие, но никогда не было, например, «баварцев по выбору». В Пруссии, как и в других местах, стиль носит значение основы. Стиль освобождает, творит, направляет и подтверждает предназначение; «он перестраивает бытие там, где, может быть, в течение долгого времени господствовал беспорядок». В прусском мире стиль это одновременно моральное правило (этос), государственное мышление (Staatsgesinnung) и принцип формы (Formprinzip). Через это прусский стиль обнаруживает «гения структуры», который в сфере духа проявляется - в социальной организации и в сфере эстетики - в архитектуре. На протяжении текста Мёллер долго делает акцент на этом последнем пункте. Он подчеркивает все, что ни есть антиромантического в прусских барокко и рококо и, прежде всего, в классицизме **Шинкеля** и **Шадова**. В этом строгом и умеренном стиле, любящем массивные формы он видит стремление к «монументализму». Этот термин он полагает возможным использовать для всех видов великих свершений. Этот «монументальный» стиль, появившийся в Пруссии благодаря Шлюттеру (42), Кнобельсдорфу и Фридриху II, Гиллное и Шинкелю, был тождественен подлинному «приданию формы духу» (Formwendung des Geistes) и придавал «большой политике» соответствие в образе архитектуры, как и художественные произведения. Мёллер, который не скрывал того, что хотел придать своей книге характер «исповедания веры в **Гегеля** и **Клаузевица**», высказывает здесь особенное уважение по отношению к **Фридриху Листу** (1789-1846) и **Карлу Родбертусу**, а также к **Карлу фон Штайну**,

который установил принцип административной автономии: отмену крепостного права, новый статус городов и провинций. Местами он также превозносит «прусскую демократию», основанную на всеобщем избирательном праве и корпоративном представительстве. И напротив, он игнорирует традицию христианского консерватизма, представленную **Герлахом** и **Савиньи**, и не распространяется сверх меры о **Канте**.

Лишенная мифа, Пруссия могла увековечить свое бытие и свои идеальные ценности в этом, по сути, классическом стиле только благодаря своим добродетелям: «Сила Пруссии заключалась в ее самодисциплинированности» (*Die Kraft Preussens war seine Selbstzucht*). Именно эти ценности позволили ей быть одновременно активной и объединенной, проникать в суть вещей, соединять всеобщее с особенным — и именно об этих добродетелях свидетельствует прусская архитектура. Постепенно Мёллер начинает безоговорочно превозносить эти «римские» добродетели Пруссии, против которых он бунтовал в юности, и которые, что необходимо отметить, почти не были свойственны этому рейнцу родом из Тюрингии, несмотря на его восхищение ими: ясность, холодность суждений, деятельная самоотверженность, объективность, строгость, отказ от всех неразумных страстей, от всякого неопределенного романтизма. Традиционному немецкому духу, отмеченному стойким присутствием средневековой романтической мечтательности, он противопоставляет практичность, способность примириться с реальностью. «Пруссия, - пишет он, - обходилась без романтизма. Именно в этом заключалась ее обособленность, но также ее сила», так как прусский дух заменил в Германии мечтательность волей, видимость поиском причин и объективностью (...) он хотел не здравого смысла, но причины, ни объяснения, но ясности». Отсюда логически вытекает критика Мёллером вильгельмовской Германии (43). Упадок Пруссии, объясняет Мёллер, начался после смерти Бисмарка, который реализм уступил место романтизму, и ясное осознание высших интересов государства исчезло перед простым устремлением поддерживать чересчур централизованные структуры унитарного рейха. И именно тогда буржуазия пришла к власти, когда Пруссия утратила свой стиль и Берлин стал «самым ужасным городом в мире»!

Наконец, Мёллер использует пример Пруссии, чтобы вновь подчеркнуть, что в современных обществах история первенствует по отношению к расе, точно также как культура первенствует по отношению к природе. Он настаивает в данном случае на наличие славянского элемента в истории Пруссии, Элемента, который он приписывает вендскому народу. «В конечном счете, пишет он, ни раса, ни смешение рас не представляет собой фактора, определяющего жизнь народа, но этим фактором является единство его культуры, в которую внес свой вклад каждый из великих элементов, образующих этот народ (...) Нация представляет собой единство культуры народа, который осознал разные ценности всех этих элементов». Германо-славянский синтез, плодом которого является Пруссия, на его взгляд, является именно тем элементом, который позволяет отнести немцев, как и русских, к категории «молодых народов». Одновременно роль Пруссии заключалась в том, чтобы придать новую форму Германии. «Пруссия это то, чем Германия должна была бы быть»(44), - пишет Мёллер, добавляя, что Германия должна была стать прусской, чтобы Пруссия могла стать германской. Немецкая нация, наследуя старой германской Родине, должна получить «прусскую форму». Прусский стиль должен стать немецкой «классикой», на тех же правах, что и итальянская «классика», представленная тосканским искусством конца Средневековья. «Пруссачество

представляет собой принцип политической жизни, - комментирует Эдмон Вермель, - оно является основой государства *par excellence*. Ни прусской ограниченности, ни идеалистического романтизма, взятых самих по себе, не достаточно для Германии. Но никто не мешает прусскому государству воплотить немецкую мечту. Сведенная к Пруссии, Германия это только Рим, без Пруссии же она только Греция. Его подлинным идеалом являются Спарта и Афины одновременно» (45).

Понятно, в конце войны появился именно новый Мёллер ван ден Брук. Но, на самом деле, в меньшей степени изменился человек, чем эпоха. Как это подчеркивает **Герд-Клаус Кальтенбруннер**, «именно эти идеи с 1914 года приобрели актуальность» (46). Можно было бы даже рискнуть вместе с Клеменсом фон Клемперером провести параллель с Марксом: тот написал Манифест коммунистической партии после поражения революции 1848 года, точно также как Мёллер создаст свои самые важные теоретические тексты после национальной катастрофы 1918 года. К тому же, оба они критиковали капиталистическую эксплуатацию и буржуазию, и роль пролетариата у Маркса как движущей силы обновления не может напомнить ту роль, которую Мёллер приписывал «молодым народам». Сравнение, все таки, не должно заходить слишком далеко. Что бы там ни было, достоверно то, что в конце Великой Войны бывший эстет конца века, «немецкий **Плутарх**» из литературных кафе стал настоящим политическим теоретиком, который никогда не оставит более Британию и скоро станет одним из самых известных авторов, представлявших Консервативную революцию.

Возможно, именно у Достоевского Мёллер открыл эту идею «консервативно-революционного» контр-движения, которому вскоре дадут название «Консервативная революция». Это выражение появилось в Германии с 1848 года. Его можно найти также у **Морраса** в 1900 году, в «L'Enquete sur la monarchie» (48). **Томас Манн** использовал его в 1921 году в статье, посвященной русской литературе (49). В следующем году **Эрнст Трельч** снова прибегнул к этому термину на состоявшейся в Берлине конференции, посвященной естественному праву (50). 10 января 1927 года на знаменитом диспуте в Мюнхенском университете **Гуго фон Гофмансталь** заявит: «Последовательность событий, о которых я говорю, это ничто иное как консервативная революция, революция, приобретающая более широкий размах, чем когда-либо видела европейская история» (51). Но именно в начале тридцатых годов термин возвратится в политический лексикон, чтобы обозначать определенные тенденции немецкого национального движения, которое нельзя спутать ни со старым пангерманистским движением 19 века, ни с гитлеровским национал-социализмом (52).

Тотчас же после революции 1918 года Мёллер ван ден Брук становится духовным лидером кружка писателей и публицистов, враждебно настроенных по отношению к коммунизму, как и к либерализму, близких к национализму, но без какой-либо ностальгии к вильгельмовской эпохе, и которые не хотели быть обременены связями с политическими партиями. Это кружок, где встречались люди различного происхождения, и именно большое количество «этнических» немцев (фольксдойче) или из заграницы, появился в конце месяца марта на базе объединения Союза за национальную и социальную солидарность, созданного **Генрихом фон Гляйхеном** и Объединения помощи воинам «Ост», действовавшего под патронажем генерал-майора **фон Виллизена**. В начале он именовался И-Клуб (Генрих фон Гляйхен, который предоставил для собраний членов

клуба свою квартиру, проживал по адресу Потсдаммер-приватштрассе, 121 И), затем, после 28 июня, даты подписания Версальского договора, чьи неприемлемо жесткие условия возбудят недовольство немецких национальных кругов, он получил официальное название Июньский клуб или «Клуб Июня». В конце 1920 года он обоснуется в здании, которое вскоре станет знаменитым, располагавшимся по адресу Моцштрассе, 22, в берлинском районе Моабит, это здание одновременно являлось местопребыванием Фольксдойче-клуба **Карла Христиана фон Леша** и в последствие оно даст приют другим ассоциациям и газетам. Его символом было Кольцо, это Кольцо, быть может, будило воспоминания о **Вагнере** (53). Именно вокруг этой группы на Моцштрассе, вдохновляемой Мёллером ван ден Бруком, появится вскоре один из самых известных центров неоконсервативного или «младоконсервативного» движения, бывшего составной частью Консервативной революции (54).

С начала своего существования Июньским клубом руководил триумvirат в составе Артура Мёллера ван ден Брука, Генриха фон Гляйхена и **Эдуарда Штадтлера**. Но двое последних были на деле, прежде всего, организаторами. В этой группе именно Мёллер вел по-настоящему интеллектуальную деятельность; именно он был душой и сердцем - «тайным королем», если использовать выражение его друга Макса Хильдеберта Бема, играя у младоконсерваторов ту же роль, которая не могла не напомнить роль **Эрнста Юнгера** у национал-революционеров.

Генрих фон Гляйхен-Руссворм (1882-1959), аристократ из Тюрингии и прямой потомок **Шиллера**, был во время войны секретарем Ассоциации немецких художников. Он также принадлежал к Обществу **Фихте** с 1914 года, а в октябре 1918 года основал Союз за национальную и социальную солидарность, чьи члены входили в Июньский клуб со дня его основания. Будучи тесно связанным со средой крупных промышленников, он, конечно, был в меньшей степени революционер, чем Мёллер. Именно прежде всего с 1924 года в рамках Клуба господ он будет призван сыграть роль среди политических деятелей Веймарской республики. Что до Эдуарда Штадтлера, то он был бывшим руководителем молодежного отдела партии Центра (католической партии). Родившийся в Эльзасе в 1886 году и попавший в плен к русским в 1917 году, он остался в России после подписания Брест-Литовского договора как руководитель пресс-службы немецкого посольства в Москве. Вернувшись вскоре в Германию, он оставил партию Центра по причине своей непримиримой оппозиции к Маттиасу Эрцбергеру, лидеру левого крыла партии, и основал после конференции, проведенной дома у Фридриха Науманна, Антибольшевистское движение (или Антибольшевистскую лигу). Эта «антибольшевистская лига», также вдохновляемая **Гуго Штиннесом**, стремилась стать массовой организацией, но ее влияние останется ограниченным прежде всего Севером Германии. Эта деятельность принесет Штадтлеру прозвище «доктор Анти». Что касается Макса Хильдеберта Бема, редактора с 1920 года журнала «Гренцботен», он был уроженцем балтийских стран, которым восхищались прежде всего немцы, жившие за границей. Его главный труд, «Самобытный народ» (55), станет объектом очень хвалебной оценки со стороны **Теодора Хойсса**.

Помимо Мёллера, Штадтлера, Генриха фон Гляйхена и Макса Хильдеберта Бема главными членами Июньского клуба были писатель **Пауль Фехтер** (1880-1958), которого мы встретим позднее во главе коммерческой службы газеты Гуго Штиннеса, «Дойче Альгемайне Цайтунг», **Рудольф Пехель** (1882-1961), который в 1919 году принял

правление уважаемой газеты «Дойче Рундшау» и стал фактически одной из ведущих фигур интеллектуальной жизни Берлина, **Вальтер Шотте**, родившийся в 1886 году, редактор с 1920 года «Пройссише Ярбехьер» и еженедельника «Политик унд Гезельшафт», который станет идеологическим органом правительства **фон Папена**; историк-католик **Мартин Шпан** (1875-1945), теоретик корпоративизма, бывший депутат от партии Центра в 1910-1912 гг., перешедший затем в партию **Гугенберга**, **Альберт Дитрих**, специалист по вопросам, связанным с коммунистическим движением в Клубе; экономист **Вильгельм фон Крис**, автор книги «Господа и слуги экономики» (1931), протестантский теолог **Фридрих Брунстед** (1883-1944), преподаватель философии в Эрлангене с 1917 года, **Карл Христиан фон Леш**, вдохновитель Фольксдойче Клуба, автор книги «Народ под народами» (1925), публицисты **Хайнц Браувайлер**, родившийся в 1885 году, и **Густав Штайнбомер** (**Густав Хиллард**) (1881-1972) и т.д.

Клуб также часто посещали люди, представлявшие все партии, также как уже известный **фон Клемперер** (56) и затем **Жан-Пьер Фай** (57). Благодаря связям фон Гляйхена, там можно было увидеть также немецких националистов членов Немецкой Национальной Народной партии (НННП), таких как графа **Куно фон Вестарпа**, **Ганса Эрдманна фон Линдейнер-Вилдау**, **Оскара Хергарта** и **Отто Хетча**, демократов, таких как **Адам Штегервальд** и будущий канцлер **Генрих Брюнинг**, социал-демократов, как **Отто Штрассер** (58) и **Август Мюллер**, коммунистов, как **Фриц Вет**, и также различных личностей, как **Франц фон Папен**, рейхсканцлер в 1932 году, **Вихард фон Меллендорф**, заместитель министра экономики в 1919 году, граф **Ульрих Брокдорфф-Ранцау**, будущий посол Германии в Москве, **Хильмар Шахт**, Президент рейхсбанка, **Георг Бернхард** из Фоссише Цайтунг», экономисты **Герман Шумахер** и **Франц Оппенгеймер**, писатель **Ганс Гримм**, автор «Народа без пространства», теоретик молодежного движения **Ганс Блехтер**, который ввел в клуб **Густава Штайнбомера**, генерала **фон Зекта**, занимавшегося реорганизацией рейхсвера, **Эдуарда Майера**, ректора университета Берлина, князя **Карла Антона фон Рохана**, издателя с 1925 года «Европейского Обозрения» и т.д.

9 апреля 1919 года Июньский клуб стал выпускать еженедельник под заглавием «Дас Гевиссен» (Совесть). Это заглавие в точности соответствовало намерению: новая газета должна была стать «голосом совести, голосом бескорыстным и беспристрастным, голосом веры и традиции, который будет говорить со всеми немцами, к какой бы то ни было партии и социальному классу они бы не принадлежали» (59). Речь шла о том, чтобы заполнить пустоту: «Недостаток совести, который является самой значимой чертой нашего времени, этот недостаток совести главенствует в нас, он главенствует в Европе, он главенствует в мире. Повсюду совесть замолкла и исчезла» (60). 1 января 1920 года редактор газеты Вернер Вирт уступил свое место Эдуарду Штадтлеру, в то время как она сама стала называться просто «Гевиссен». В скором времени газета обрела большую популярность среди образованных кругов. У нее было много квалифицированных сотрудников (61). 7 июля 1920 года в письме, адресованном Генриху фон Гляйхену, Томас Манн писал: «Я только что возобновил мою подписку на «Гевиссен», газету, которую я желаю регулярно читать и которую я рекомендую всем тем, с которыми я говорю о политике, как бесспорно лучшую немецкую газету». В январе 1922 года тираж «Гевиссен» был заявлен в 30 тысяч экземпляров. Позднее, во время, когда инфляция достигнет своего пика, он увеличится еще на 10 тысяч экземпляров, - цифра, вполне заслуживающая

внимания, если учитывать время и в особенности характер газеты.

Фактически, «Гевиссен» обязана всем Мёллеру, который, как обычно, писал много статей, под своим именем и под различными псевдонимами или анонимно. Именно он, по всеобщему свидетельству, задавал ориентацию и определял генеральную линию. Параллельно этому он продолжал сотрудничать в других изданиях, таких как «Гренцботен», «Таг», «Германия», «Шпигель», «Дойче Рундшау», «Норддойче Альгемайне Цайтунг» и т.д. Наконец, у Клуба на Моцштрассе появились также филиалы. Самым важным из них был Политический Колледж, работавший под руководством **Мартина Шпана**, преподавателя истории в Колоне, который был создан 1 ноября 1920 года по подобию Свободной школы политических наук в Париже (62), основанной в 1872 году, чтобы компенсировать военный разгром Франции. Будучи университетом, дававшим возможность частного образования и переобучения, этот «политический колледж» являлся чем-то вроде «национальной политической» высшей школы, достаточно близкой к Высшей школе политики, основанной **Теодором Хойссом**. Большинство младоконсерваторов оказывали ему помощь. Мёллер ван ден Брук взял на себя секцию зарубежной политики, вместе с Штадтлером и Вальтером Шотте (который был ассистентом у философа **Вильгельма Дильтея**). В качестве спонсоров выступали, кажется, без большого энтузиазма, круги, близкие к Гугенбергу, посредником при этом был Генрих фон Гляйхен. На протяжении ряда лет Политический Колледж подготовит много десятков студентов, но избрание Мартина Шпана в рейхстаг в 1924 году повлечет определенное угасание его деятельности (63).

Как можно охарактеризовать это младоконсервативное движение, в котором можно было увидеть «интеллектуальный авангард правых» (64), но взгляды представителей которого были фактически «на политику правыми, а на экономику левыми?» (65). Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо обратиться к смыслу и значению, которое несет в себе слово «консервативный». Именно в окружении Мёллера ван ден Брука, уточняет **Армин Мелер**, было дано самое типичное для Консервативной революции определение этого прилагательного. Его можно отыскать в статье Альбрехта Эриха Гюнтера, опубликованной в 1931 году. «Вместе с Мёллером ван ден Бруком, пишет Гюнтер, мы видели в консервативной идеологии не защиту того, что было вчера, но жизнь, основанную на том, что всегда имеет ценность» (66). «Следует сказать, - добавляет Мёллер, - что консерватор не живет только будущим, как прогрессист, и не только прошлым, как реакционер, он живет настоящим, в котором, насколько он это осознает, прошлое и будущее едины. Метафора Великого Полдня проглядывает сквозь эти выражения... (67). В этом отношении можно было бы сказать, что младоконсервативное течение занимает нечто вроде среднего места между течением фёлькиш и течением национал-революционеров, при чем и для первых, и для вторых были характерны пустые фантазии, только у первых они были обращены в прошлое, а у вторых — в будущее.

Будучи более умеренным, чем остальные течения Консервативной революции, и более склонным, по крайней мере, в лице некоторых своих членов, к компромиссу с христианством, это течение в то же время делало акцент на сложную природу национальных акцент на сложную природу национальных основ и придавало большую важность изложению своей точки зрения языком права. «Мы все живем, чтобы защищать наследство», - писал Мёллер. В случае немецкой нации это наследство совпадало большей

частью с идеей империи (Рейха), этот термин фактически являлся одним из ключевых слов для младоконсервативного движения. Отсылая прежде всего к воспоминаниям о романо-германской империи Средних веков, эта концепция повсюду в рассуждениях младоконсерваторов на тему политики приобрела намного более широкое значение. За что выступали эти последние, это прежде всего идея равновесия между одним и множеством, в данном случае, между единством политической структуры империи и автономией частей, которые она объединяет. Империя, уточняет Армин Мелер, «не означает ни национального государства, с однородными в этническом плане и пребывающим в гармонии населением, ни конгломерата народов, объединенных шпагой народа-завоевателя. Она относится скорее к супрагосударственному образованию, которое хоть и обладает собственной организацией, целиком установленной главенствующим народом, оставляет прочим различным народам и этническим группам возможность жить их собственной жизнью» (68).

Эта концепция на базе идеи или размышлений об Империи (Reichsgedanke) не антагонистична демократии. И вообще руководители Июньского клуба не выступали как противники принципов этого типа государственного устройства. Точно также, как они высказывались за «немецкий социализм», они стремились заложить скорее основы «немецкой демократии», то есть демократии, соответствующей традициям их страны. Эта попытка, нацеленная скорее на ее отторжение, очень характерна для них. Сам Мёллер стремился сделать наброски концепции демократии, носящей позитивный характер, определяя его как «участие народа в своей собственной судьбе» (Anteilnahme eines Volkes an seinem Schicksal). Он напоминал, что древние германцы благодаря институту тинга уже использовали этот принцип. «Мы начали свое существование как демократический народ», - подчеркивал он. Когда Германия стала монархией, этот принцип не был существенно изменен, так как «демократия — это только сам народ». Демократию как принцип не следует путать с той или иной институциональной формой. «То, что создает демократию, - писал Мёллер, - это не форма государственного устройства, но участие народа в управлении государством. В наше время народ осуществляет это участие; он также начинает понимать разницу между республикой и демократией». Мёллер стремится показать через это, что одного только всеобщего избирательного права не достаточно, чтобы установить демократию, так как нет подлинной демократии, когда для каждого гражданина существует возможность участвовать в общественной жизни без учета класса, имущественного положения и звания. Ту же самую идею аналогичным образом высказывал **Эдгар Ю. Юнг**: «Подлинная демократия существует тогда, когда круг, из которого привлекаются руководители, насколько широк, насколько это возможно, а не тогда, когда как можно большее количество людей обладает голосом при принятии решений: (69). Стало быть, младоконсерваторы делали ударение прежде всего на принципе, а не на институтах. Полностью признавая легитимность Веймарской республики (что не было типично для всех авторов, принадлежавших к Консервативной революции, они скорее имели склонность обвинять ее в том, что она не является достаточно демократической, то есть не оставляет достаточно большого места для участия народа. Как и **Карл Шмидт**, Мёллер придерживается идеи «управляемой демократии» (gefuerte Demokratie), называемой также «воплощенной демократией» (**Жюль Моннеро**), придавая существенное значение представлению о самоопределении (Selbstbestimmung).

Июньский клуб стремился в то же время не ограничиваться деятельностью

метаполитического типа. Он не хотел конкурировать ни с одной из существующих партий и движений, но скорее занять по отношению к ним позицию посредника. «На деле, - скажет **Ганс Шварц**, - уходят Мёллера, [в Июньском клубе] наличествовало стремление быть над партиями (...) Не желая становиться партией, но стремясь вмешиваться во внутреннюю жизнь партий, чтобы придать им гибкость, клуб на Моцштрассе сумел обрести очень значимое влияние на политическую жизнь. Его внешняя форма напоминала в некоторой степени английский клуб. Партии воспринимали кружок со всей серьезностью благодаря своим более молодым членам, но в то же самое время они пытались, насколько это было в их силах, воспрепятствовать внутренней гармонии» (70). Этого примера достаточно, чтобы показать очень оригинальный характер такого подхода. Подписание Версальского договора подняло, как известно, в Германии волну негодования и удивления. «Даже пессимисты верили, что Германия не испытывает ничего более худшего, чем потерю некоторых своих колоний и части Лотарингии (71). Разочарование не заставило себя ждать. Представители национального лагеря ограничились заявлениями «об ударе ножом в спину» (Dolchstoss), который интриганы политики нанесли армии во время последних лет войны.

Что касается Мёллера, то он сделал более сложный анализ. Полностью разделяя чувства, которые владели его соотечественниками, он полагал, что поражение не может не пройти без пользы — что оно может послужить уроком и даже обратиться в победу, потому что «народ никогда не проиграл, если он понимает смысл своего поражения» (72). Поэтому он то и дело возвращается к идее, что нация, которая проиграла войну, не обязательно является разгромленной нацией, но ей скорее надлежит, размышляя о причинах того, что случилось, отыскать источник возрождения. «Немцы могут считать себя победоносной нацией, хотя они и были разгромлены», - писал Мёллер Гансу Гримму 20 января 1919 года.

По мнению Макса Хильдеберта Бема, именно в 1920 году Июньский клуб пережил «самый богатый и самый плодотворный период своего существования» (73). Именно в это время члены клуба с наибольшей силой обратились к Мёллеровской идее «восстания юности» - но восстания ради порядка, а не против него (74), эта идея вскоре соединиться с идеей антагонизма между «молодыми» и «старыми народами». Макс Гильдеберт Бем также говорит о «фронте юных», чье образование он надеялся увидеть (75), в то время как «Гевиссен» (76) принимает максиму: *Juvenum unio novum imperium...*

В 1919 году Мёллер публикует «Право молодых народов», труд, который он начал во время войны, но не успел закончить к моменту Перемирия. В этой книге, чья окончательная версия развивает идею статьи, вышедшей под тем же самым заглавием в «Дойче Рундшау» (77), Мёллер обращается к американскому президенту Вильсону и предлагает ему считать «молодые народы» победителями войны. Он стремился показать, что мировой конфликт был следствием неприязни «старых» народов к «молодым», чьей жизненной силе они завидовали. Он полагает, что Япония и Италия сделали ошибку, поддержав «старые» нации, в то время как их судьба быть на стороне «молодых» народов, к которым он также относит Финляндию и Болгарию. Америка отождествляет себя с цивилизацией, а Россия — с культурой, пишет он, только Германия может достичь синтеза и того, и другого. Кроме того, только Германия, о которой западные державы будут заботиться, чтобы она не ослабла, сможет защитить этих последних от

большевистской опасности. Поэтому роль Америка должна была быть в том, чтобы состоять в союзе с немцами, именно президента Вильсона Мёллер хочет завоевать на свою сторону, чтобы защитить общие интересы «молодых народов» на Парижской конференции.

Очевидно, что в этой попытке было много наивного. Находясь в плену у своей концепции, постулирующей солидарность между «молодыми народами», Мёллер не видит, что интересы Соединенных Штатов толкают их отнюдь не на тот путь, на котором он хочет их видеть, и что «молодой» американский народ, к которому он высказывает свои симпатии (но который он никогда не посещал в его собственной стране) имеет много больше общего по историческим и геополитическим основаниям со «старой» Англией, чем с «молодой» Америкой. Попутно он также недооценивает демографический упадок в Германии, также как стремление к господству русских коммунистов. Но благодаря такому видению обстоятельств Мёллер уточняет и углубляет свои прозрения, которые до сих пор были у него еще несколько неопределенными. Он также высказывается по вопросу о демократизации, за «движение к новым историческим формам» (р.45). Мёллер вновь списывает подъем либеральных идей, сторонники которых превозносят только изолированного индивида, пренебрегая при этом интересами всей нации (р.46). Особенно интересное место, где он заявляет, что лучший способ бороться с идеей это изменить ее внутреннее содержание, довести ее до ее предела, пока она не обратится в свою противоположность: «Но мы сможем это сделать, только если мы подвергнем идеи проблематичному изменению. Мы пишем еще раз слово «либерализм»; имея в виду свободу. Мы пишем еще раз слово «демократизм»; имея в виду то же самое, что и народ. Мы пишем аналогичным образом слово «социализм», имея ввиду совершенно другое: государство».

Труд Мёллера увидел свет в самый разгар споров, вызванных изданием первого тома «Заката Европы» **Освальда Шпенглера**. Это совпадение не стоит оставлять без внимания, потому что во многих отношениях тезисы, развитые Мёллером, явятся в качестве альтернативы, даже «лекарства», по отношению к неизбежному процессу упадка, о котором говорил Шпенглер. В своем предисловии к третьему изданию «Третьего Рейха» (1931) Ганс Шварц напишет: «Мёллер (...) показал Германии, что за ее актуальным политическим кризисом существовала возможность создания новой структуры. И в это время в Германии произошло подлинное возрождение. С тех пор мы не чувствовали себя подвластными закону времени, как фаустовские герои Шпенглера. Напротив, здесь мы занимали устойчивую позицию и за атомизированным состоянием народов открывали новые духовные перспективы. Мёллер нас вдохновил. Так как он достиг славы там, где он искал веру, в то время как Шпенглер достиг его там, где он предчувствовал конец. И понемногу все поколение, еще зачарованное величественными образами, созданными Шпенглером, вставало на сторону ван ден Брука».

В начале 1920 года Шпенглер согласился впрочем на то, чтобы придти и сопоставить свои взгляды со взглядами Мёллера перед членами Июньского клуба (78). Равным образом Мёллер посвятил «Закату Европы», труду, который хорошо был воспринят в младоконсервативных кругах, очерк, который позволил ясно увидеть, что сближает и что различает этих двух людей (79). Очевидно наличие точек соприкосновения между ними: манера в которой они, и один и другой, настаивают на противоположности культуры и

цивилизации, важность, которую они придают «пруссачеству» как примеру духа служения (и также как соединению дисциплинированной власти и народной воли), их общий выбор в пользу «немецкого социализма», их отказ от первоначального «биологизма». «И тот, и другой в сущности являются метаисториками, которые стремятся подражая Ницше, выявить стиль, присущий различным историческим периодам», - замечает **Фриц Штерн** (80). Как и Шпенглер, Мёллер провозглашал примат внешней политики над внутренней. Но различия между их подходами оставались не менее принципиальными. Мёллер не разделял идей Шпенглера по вопросу всеобщей истории и морфологии культур. Он отвергал какие-либо аналогии между культурами и живыми организмами и не был убежден в существовании этой обширной последовательности культурных циклов, которой Шпенглер придал форму таблицы. Ему не нравился фатализм, которым веяло от Шпенглера и он не верит в неотвратимость смерти культур. Мы уже видели, что Мёллеру принципиально чужда любая форма пессимизма, даже если слово «оптимизм», которое он охотно принимал на свой счет в текстах, написанных им во время молодости, получало у него более только негативное определение в силу его ассоциаций с либеральной идеологией. Совершенно неверно было бы отождествлять «молодые народы», о которых говорил Мёллер, с начальной, творческой фазой развития великих культур в шпенглеровском духе, а «старые народы» считать соответствующими завершающей фазе, на которой культура переходит в цивилизацию. Мёллер подчеркивает, что ни один народ не является ни «молодым», ни «старым» сам по себе. «Молодость» какого-либо народа также не имеет отношения к органической хронологии. Народ можно считать «молодым» или «старым» в зависимости от той манеры, в которой он ведет себя в мире.

«Молодой» народ это народ, который не позволяет включать себя в рамки мирового порядка, так как он полон энтузиазма, воли, бьющей ключом жизненной силы. «Старый» народ, в противоположность, это тот, который считает, что его бытие подошло к концу. Показательно, что даже **Баррса** Мёллер упрекал в том, что тот основывал свою политическую философию на «земле и покойниках»; он видит в этом «философию истории, характерную для старой нации», у которой нет более другого источника сил, кроме как опираться на традицию, которая отныне не имеет продолжения (81). Порывая с той концепцией истории, которая составляет основу книги Шпенглера, со шпенглеровской манерой видеть в истории «логику судьбы», он вслед за **Достоевским** утверждает, что история представляет собой прежде всего «знание будущего». Это означает, что судьба не может быть представлена в виде уравнения: «Всегда есть возможность начала (...) История это история того, что не поддается расчету». Поэтому невозможно проводить параллели между историей индивидуума и историей коллектива: каждое событие является уникальным. Мёллер добавляет, что Шпенглер написал свою книгу, думая о победе Германии и именно поэтому он недооценил силу человеческих устремлений. Образу круга, который использовал Шпенглер, Мёллер предпочел образ спирали. Для него всегда существует возможность исторического возрождения, связанная с тем, что история это долгий процесс, и с ясным сознанием общей судьбы. «Всегда происходит возрождение, когда молодой, творческий, способный к культуре и искусству народ вступает в контакт с Древностью и черпает из нее знания», - писал он уже в «Немцах». В прошлом подобные процессы возрождения уже происходили (например, появление готического стиля начиная с времен «каролингского возрождения»). Это доказывает что в истории присутствует возможность «обратимости» (Anderskehrbarkeit), которая противопоставляется

шпенглеровскому закону необратимости (Unumkehrbarkeit) истории.

Мёллер равным образом упрекает Шпенглера в том, что он включил Германию в состав западной культуры. Он отвергает общераспространенное представление о «Западе». Исторически, говорит он, «Запад» это прежде всего греко-романский мир, противостоящий германскому миру, а затем это европейский «барочный» Запад, противостоящий австро-германскому «готическому» центру, и наконец, это Франция и Англия, противостоящие Германии и России. Немцы не являются «западной» нацией, но они в большей опасности ею стать. Мёллер, согласно которому «Восток начинается за Рейном», утверждает, что самая большая опасность, которая угрожает Германии, из-за ее соседства с Францией, было бы «попасть на Запад», и что, в противоположность этому, она заново обретет свою жизненную силу, только противопоставляя себя уставшему Западу (82). Как «срединная страна», Германия скорее является центром *par excellence*, «единственным твердым основанием европейского равновесия», то есть страной, лучше всего расположенной, чтобы в своем лоне реализовать диалектику Восток-Запад. Целиком следуя геополитической концепции **Ратцеля**, Мёллер касается здесь темы, что Германия обладает возможностью обустроить Центральную Европу (Mitteleuropa), чье создание **Константин Франц** превозносил уже в 19 веке (83) и чего **Фридрих Нойман** желал от всей души в разгар мировой войны (84). Именно в этом смысле он говорил о многочисленных предпосылках для «европейской миссии» Германии с точки зрения то «федералистской», то «империалистической».

По вопросам внешней политики Мёллер остается верным пророссийским симпатиям, которые вызвало у него чтение Достоевского. Между двумя этими «молодыми народами», немецким и русским, существует, по его мнению, «общность судьбы» (Schicksalsgemeinschaft). «Пролетаризированная» немецкая нация должна понять, что ее спасение заключается не в сделке с западными державами, в рабском подражании либеральной модели, происходящей из «французского лицемерия» или англосаксонского делячества, но в союзе с «новыми» и «нетронутыми» силами Востока, чьи духовные и геополитические интересы тесно совпадают с её собственными. В своем введении к полному собранию сочинений Достоевского Мёллер писал: «После того как она в течение такого долгого времени смотрела на Запад, что попала в зависимость от него, Германия должна обратиться к русской духовности и там искать независимость. Однако мы должны смотреть, чтобы Восток не стал для нас опасностью, мы изучаем, чтобы познать его целиком, сохраняя дистанцию. Давайте подождем возвращения нашей интеллектуальной независимости, прежде чем мы сможем обогатиться русским духом. Как бы там ни было, у нас та же самая судьба, что и у России» (85). Как это понял **Генрих Лионский** уже в 12 веке, будущее Германии на Востоке.

В этом плане революция 1917 года не изменила фундаментальным образом представлений Мёллера, который полагал, что «вечная Россия» скоро одержит верх над «импортированными» доктринами, которым она с виду предалась. «Безродному» марксизму Мёллер противопоставляет большевизм, который «является исключительно русским явлением». После подписания Версальского договора лозунгом «Гевиссен» стало: «На Востоке врага нет». В 1921 году бывший вдохновитель Антибольшевистской лиги **Эдуард Штадтлер** не колеблясь интерпретировал «победу Ленина» над интервентами-союзниками как «победу русского народа над нашими врагами». Мёллер,

со своей стороны, утверждал, что если бы Германия и Россия не сблизилась бы, то возникла бы большая опасность, что Россия и Франция сговорятся в ущерб Германии — предвидение, которое осуществится в 1935 году, когда будет заключен франко-советский союз. Это была причина, по которой он боролся с теми в лагере националистов, кто отвергли «ориентацию на Восток». В октябре 1921 года он, например, отверг предложение **Людендорфа** о «международном крестовом походе» против Советского Союза: «Ни один немецкий трудящийся не будет воевать против России и не позволит, чтобы такая война была развязана» (87). В следующем году он с одобрением воспринял Раппальский договор (88). Это касалось равным образом предупреждений **Ллойда-Джорджа**, который говорил, что «рассерженная Германия» могла бы вооружить «голодную Россию»... (89).

Эта достаточно идеалистическая интерпретация, отождествляющая СССР Ленина с Россией Достоевского, не была так далека от реальной политики, которую проводила молодая Веймарская республика усилиями **Брокдорфа-Ранцау**, **Зекта** или **Мальцана**. Известно, что в 1919 году граф Брокдорф-Ранцау направил правительству **Эберта** свое заявление об отставке. Несколько месяцами позднее генерал фон Зект стремился установить связи между рейхсвером и Красной армией в надежде обойти диктат Версаля.

Тогда ориентация на Восток была на повестке дня. На правом фланге эта ориентация была доведена до крайностей приверженцами немецкого «национал-большевизма». Однако нельзя отождествить точку зрения Мёллера с воззрениями национал-большевиков. В то время как эти последние, часто постулируя приоритет внутренней политики (в противоположность мнению младоконсерваторов), были готовы принять коммунизм, лишь бы он выражался в «национальной» форме, Мёллер ограничивался утверждениями, что эта доктрина, к которой он продолжал испытывать дикую ненависть, будет оказывать на Россию только временное влияние. Советский Союз, на его взгляд, продолжал оставаться прежде всего Россией. За рационализмом марксистского дискурса он продолжал ощущать те же самые силы и те же самые слабости, ту же самую мистическую тягу к «общности страдания», которые он наблюдал уже в традиционной России. Он показывал, как Ленин вытеснил Христа в народном воображении. Он говорил о «вечном Потемкине» этих русских, которые при царях строили торговые поселки до того, как развилась торговля и которые при большевиках не колеблясь возводили заводы в степи. Короче, там, где национал-большевики говорили языком политики, он прежде всего говорил языком истории, основываясь на вере в постоянство национальных «стилей». И в то же самое время он ощущал глубокие противоречия в русской душе, постоянно раздираемой ее стремлениями «на Восток» и «на Запад». Полагая, что Россия, без сомнения, принципиально ориентирована на Сибирь и Азию (90), он утверждал, что создание российской империи, обращенной на Запад, было «духовной ошибкой» и что Россия это прежде всего держава сухопутная и континентальная: «выражение «русское море» включает противоречие в самом себе».

Именно в этом контексте в 1923 году завязался своеобразный диалог между Мёллером ван ден Бруком и коммунистом **Карлом Радеком**. Тогда Германия была в пучине кризиса. Франко-бельгийская оккупация Рура, на которую пошел Пуанкаре, намеревавшийся на левом берегу Рейна создать союзное Франции образование и в то же самое время заставить уважать условия Версальского договора, с целью ослабить немецкую промышленность, совпало с ужасным всплеском гиперинфляции. 9 мая молодой

националист, бывший член фрайкора **Альберт Лео Шлагетер** был приговорен к смертной казни за участие в акциях сопротивления французским военным судом в Дюссельдорфе и был расстрелян 26 мая (Шлагетер станет мучеником для националистического лагеря, и ему будут посвящены бесчисленные книги и брошюры). Параллельно этому, немецкая коммунистическая партия была обеспокоена тем, что в среде средней прослойки трудящихся националисты создавали массовое движение, которое проходило вне ее рамок. Уже в опубликованной 13 февраля статье в теоретическом журнале «Коминтерна» «Интернационал» содержался призыв к немецким коммунистам «отвлечь партию, насколько это возможно, от националистической волны». 18 апреля в том же самом журнале **Тальхаймер** утверждал, что пролетарской революции надлежит завершить дело Бисмарка, понимая под этим аншлюс Австрии, и он уточнял, что эта задача должна быть выполнена в союзе с мелкой буржуазией и полупролетариатом». 17 мая руководство КПГ приняло резолюцию, в которой проводилась разница между националистами «на содержании у буржуазии» и «мелкими обозленными буржуа». Наконец, 20 июня Карл Радек, бывший посланцем Ленина, членом Центрального Комитета ВКП(б) и специалистом по Германии в Интернационале, произнес историческую речь («Лео Шлагетер, странник в никуда») на расширенном заседании руководства Коминтерна, в которой он поставил перед националистическими немецкими кругами следующий вопрос: «Против кого намеревается бороться немецкий народ: против крупного капитала Антанты или против русского народа? И с кем вы хотите заключить союз? С трудящимися России, чтобы вместе освободиться от ига крупного капитала Антанты или с капиталистической Антантой, чтобы поработить немецкий и русский народы?» «Мы верим, - добавляет он, - что подавляющее большинство масс, которые испытывают чувство национальной гордости, принадлежат не к лагерю капитала, а к лагерю труда». Наконец, вспоминая трагическую судьбу Шлагетера, он утверждает: «Судьба этого мученика немецкого национализма (...) может многое нам сказать, нам и немецкому народу!» Эта новая (и короткая по времени) линия КПГ получит название «линия Шлагетера».

Со стороны нацистов тотчас же последовала негативная реакция: печатный орган предостерег против лидеров коммунистов, которые, скрываясь за новой маской любви к родине, хотят увлечь народное движение в сторону иудео-национал-большевизма» (91). Тем не менее завязался двойной диалог, один между Радеком и Мёллером, другой между **Паулем Фрелихом**, членом Центрального комитета КПГ, и графом **Эрнстом фон Ревентловым**. На вопрос, поставленный в речи Радека, текст которой он опубликовал в «Гевиссен», Мёллер ответил в месяце июле тремя статьями (92). В них он подчеркивал важность намерений, высказанных Радеком, и вновь выражает свою убежденность, что Германия должна «опереться на Россию». Однако он сожалеет, что Радек ограничился анализом ситуации в терминах классовой борьбы и упрекал его в том, что он не видит собственно революционного характера немецкого национализма, который вдохновляется примерами Фридриха II, Бисмарка и освободительной войны против Наполеона. А значит, он отвергает предложение сделанное Радеком, которого он считал чистым «аннексионистом» и к тому же человеком, не представлявшим официального советского мнения. Мёллер показал здесь себя реалистом. Он не сомневался, что для КПГ «линия Шлагетера» соответствовала в сущности тактическим устремлениям и имела своей целью прежде всего раскол в национальном лагере (93). Подвергшись обвинениям со стороны Интернационала в то же самое время, что и со стороны группы Троцкого, сам Радек был исключен из советской компартии в 1927 году. Поэтому он окажется среди обвиняемых на

втором большом процессе в Москве (94). Эта линия не будет иметь продолжения. Но диалог между Мёллером и Радеком, который отвечал на материалы в «Гевиссен» статьями в «Роте Фане», не стал от этого меньшей сенсацией. Он позволил констатировать, что младоконсерваторы, твердо придерживавшиеся принципа «ориентации на Восток», были также способны в конкретных ситуациях не питать иллюзий.

По отношению к нарождающемуся нацизму Мёллер ван ден Брук между тем упорно держал дистанцию. Весной 1922 года **Гитлер** произнес речь перед членами Июньского клуба во время вечера, организованного **Рудольфом Пехелем**. Его встретили скорее прохладно. По свидетельству **Макса Гильдебурга Бёма**, **Генрих фон Гляйхен** демонстративно покинул зал во время речи. В конце заседания короткая дискуссия объединила Мёллера, Пехеля, Гитлера и **Лежене-Юнга** (который будет казнен в 1944 году за участие в заговоре 20 июля). Гитлер, на которого Мёллер по-видимому произвел впечатление, заявил ему: «У Вас есть то, чего не хватает мне. Вы разрабатываете интеллектуальный инструментарий для возрождения Германии. Я же только барабанщик и собиратель сил. Давайте сотрудничать!» Но Мёллер оставался настороже. На предложение Гитлера он ответил только тем, что стал бесплатно присылать ему «Гевиссен». Однажды насчет шефа НСДАП он бросил Пехелю слова, которые тот воспроизведет в своих мемуарах: «Этот парень ничего не поймет!» (95). Когда в следующем году, в ноябре случится путч, члены кружка на Моцштрассе резко критически высказались о предприятии. Анонимный автор передовицы, возможно, Мёллер, писал о «глупом преступлении» (*Verbrechen aus Dummheit*) и описывал Гитлера как проводника «пролетарского примитивизма» (96). С тех пор у Мёллера не будет никаких контактов с баварским агитатором.

Идеи Мёллера также не совпадали с теми, которые выражали другие течения Консервативной революции или немецких националистических кругов. Враждебно относящийся к насильственным действиям, Мёллер был к примеру одной из тех редких личностей, которые после убийства Вальтера Ратенау членами фрайкора (97), осудили это, интерпретировав это покушение как «подтверждение отсутствия у немцев чувства политического» (*Politiklosigkeit*).

Достаточно безразличный к «солдатской» идеологии, происходившей из фронтового опыта, которая была присуща течению национал-революционеров, он полагал, что Германия должна осуществить синтез присущих как мужскому так и женскому началу, и не отвергать «женственные, чувственные, творческие силы» (99). В отношении религии он очень рано стал выражать свою антипатию по отношению к христианству, которое, как он говорил, «не было подлинной религией, потому что было лживой политикой». «его история была только историей его разложения», - писал он уже в «Немцах» (100). Католическая церковь, согласно ему, обанкротилась со времени Реформации. Лютеранство, в противоположность, позволило утвердиться немецкому национальному самосознанию, дав Германии философию и музыку, которые стали ее собственностью: Бах и Лейбниц вели к Гердеру. Однако, даже по отношению к протестантству, которое занимало почетное место у большинства младоконсерваторов, он прибегал к критике, сформулированной Ницше и Лагардом. На самом деле, то, что его интересовало в религии, это были чувства, которые она могла вдохновить. Слово «метафизика» у него, впрочем, относится постоянно к упорному стремлению, которое будучи безразличным ко

всем доводам разума, черпает силы из убежденности изменить текущий момент. В конечном итоге, он остается верен мнению, высказанному им еще в пору юности: «И все-таки Бог есть, даже если мы знаем, что не существует».

Но именно против движений фелькиш он выступал наиболее явно. В особенности он не прекращал высказываться насчет роли расы (101). Теоретиков фелькиш, которые наиболее часто прибегали к этому термину, он прежде всего обвинял, что они используют концепцию, не совпадающую с точкой зрения исторической науки, затем, смешивают понятия «раса» и «народ», и наконец, впадают в биологический материализм, проповедовавший, что человек целиком определяется своими анатомическими или «зоологическими» характеристиками. Еще в юности, критикуя Чемберлена, он утверждал, что, в ходе исторического развития нация вытеснила расу. Теперь он предполагал, что народы обладают, вероятно, «этническими корнями», и что расы могли играть роль в формировании первобытных сообществ (он цитировал на этот счет Гобино). Он также признавал, что миф расы мог способствовать появлению или консолидации национального самосознания. Но он добавлял при этом, что раса с давних пор уже не является действующим или уместным критерием, так как она постепенно «распадалась» по мере того, как появлялись исторические нации. С присущей ему любовью к чеканным формулировкам он резюмировал эту точку зрения в нескольких словах: «Расы были. Народы есть» (Rassen waren. Voelker sind). Также как он нападал на шпенглеровский пессимизм, он равным образом отвергал детерминизм, присущий «расовой» концепции истории. Мёллер защищал ту позицию, согласно которой расовое смешение в определенных случаях может быть полезно, и Пруссия казалась ему убедительным примером этого, и он представлял расизм как «ретроградную утопию», которая может только вбивать клин между нациями (102). Он добавлял, что смешно пытаться отыскать в современных нациях следы «расовой чистоты» (Rassenreinheit), являвшейся результатом медленного появления общего сознания. Нация, подчеркивал он, всегда представляет собой сумму ее истории, а эта история является результатом действия политических, культурных и социальных факторов, но не «биологических». Противопоставление «молодых народов» и «старых народов», автором которого являлся он сам, несовместимо с «расовой» интерпретацией. Мёллер обвиняет также тех, кто говорит об «арийской расе», заслоняя национальные особенности неопределенной и туманной концепцией: фундаментальные черты немецкого народа не арийские, а немецкие. 1924 году, в статье, которая вызвала возмущение у некоторых из его читателей, он приводит различие между «биологическими расами» и «расами духа». «Принадлежность к духовной расе, - пишет он, - обуславливается другими законами, чем принадлежность к биологической расе. Концепция расы не должна ограничиваться немецкой проблематикой, в случае чего по биологическим основаниям исключались бы люди, которые принадлежат к расе по духовным основаниям» (103). Мёллера также отдаляло от фелькиш его относительное безразличие к деревенской жизни и его отказ поддержать классическую критику больших городов. Наконец, он проявлял мало интереса к «древним германцам». «Неверно и бессмысленно говорить о нас как о германцах, - заявлял он, - мы немцы, живущие в Германии, и мы современные немцы». И еще: «Мы были германцами, мы являемся немцами, мы будем европейцами». Штрассер, который передает эти слова, добавляет: «Гитлер этого так никогда и не понял» (104).

В 1922 году Мёллер вместе с Генрихом фон Гляйхеном и Максом Гильдебертом Бёмом

отметились публикацией коллективного труда под заглавием «Новый фронт», который объединил около тридцати восьми авторов, бывших членами Июньского клуба или близких к нему, и в котором не без основания можно было увидеть «настоящую программу младоконсерваторов» (105). Труд также распространялся среди членов Общества Фихте, возникшего в 1914 году (ставшего в феврале 1921 года Обществом Фихте e.V.). Перу Мёллера принадлежал опубликованный в начале сборника текст «Либерализм ведет народы к гибели», который в скором времени составит одну из самых примечательных глав его новой книги - «Третий рейх» (106).

Годом позже состоится выход в свет этой самой важной и самой знаменитой книги. И самой двусмысленной, из-за заглавия, которое оставило место для совершенно неуместных ретроспективных интерпретаций. В реальности «третий рейх», о котором говорил Мёллер, очевидно не имел ничего общего ни в идеологическом плане, ни в плане хронологии с режимом, установившимся в Германии с 1933 года. Можно даже подумать, как писал Ганс Шварц, что, напротив, именно «национал-социалисты присвоили выражение «третий рейх» по причине той популярности, которую ему придал труд Мёллера (107). В этой книге, большинство глав которой было уже опубликовано в «Гевиссен», Мёллер сам выступал с громогласными предостережениями. «Немецкий народ, - писал он, - не только слишком склонен поддаваться иллюзиям. Идея Третьего рейха могла бы стать вполне самой большой из этих иллюзий, которые он мог бы себе создать. Немецкий народ предался бы ей, если бы его поведение было бы в сущности немецким. Но она также могла бы вызвать его гибель». Ганс Шварц в 1931 году добавит: «Это книга не была понята так, как она это заслуживает. Политики использовали ее меньше, чем возможно, но ход событий подверг их опасности и принудил их сегодня искать лекарство. В глазах всех тех, для кого он является целью, «Третий рейх» обладает чудесными качествами».

Впрочем Мёллер долго колебался с названием книги. Сначала он думал озаглавить ее «Третья партия», в то время как Макс Гильдебарт Бем предложил ему «Третья точка зрения» или «Третий путь». В конце концов, он остановился на «Третьем рейхе», выражении, уже получившем популярность в среде молодежи бундиш. Эти колебания показательны. Они подтверждают то, как верно подчеркивал Денис Гельдель, что в синтагме «Третий рейх» делается ударение на первом слове, а не на втором. Подобно многим из числа прочих теоретиков своей эпохи Мёллер желал проложить на поле идеологической и политической борьбы «третий путь», который проходил одновременно между и по ту сторону либерального капитализма и марксизма. В своих текстах он писал к тому же то о «третьем взгляде», то о «третьей точке зрения». Именно в заключительной главе своей книги он объясняет свой окончательный выбор: «Третья партия стремится к Третьему рейху. Это партия, говорящая о преемственности немецкой истории. Это партия всех немцев, которые хотят сохранить Германию для немецкого народа... Мы должны обладать силой, чтобы не отвергать все противоречия, которые принесла нам наша история, но чтобы признать их и связать с собой. Итак, представление о «третьем» у Мёллера включает «идею синтеза, разрешения противоречий, не посредством их подавления, но вознесения на более высокий, третий уровень — где они разрешаются сами путем магического синтеза» (108). В попытке, которая не может не напомнить синтез-снятие Гегеля, Мёллер хочет вывести соответствующие друг другу противоположности, антагонистические симметрии, чтобы представить новую

концепцию, являющуюся результатом примирения противоположностей: *tertium datur*. Третий рейх для него это прежде всего «империя синтеза», которая сводится целиком к себе. Это троичное мышление, о котором говорил Фриц Штерн (109). С этой точки зрения идея «третьего пути» предоставляет путеводную нить в образе мышления по аналогии, включая соображения исторического, идеологического и геополитического порядка: «третья партия» хочет «Третьего рейха» в образе Германии, «срединной страны», призванную составить третью силу в центре континента, и одновременно как горнила, где Восток и Запад превзойдут друг друга и взаимоусилятся. Словом, Германия призвана «подытожить все противоречия» (Гельдель).

Эта идея «Третьего рейха» восходит равным образом к более отдаленным временам, ее можно обнаружить в Средние века, в милленаристском пророчестве калабрийского монаха Иоахима Флорского (1130-1202), согласно которому «третье царство» (*Tertium Regnum*) будет царством святого духа, которое сменит «первое царство» Отца и «второе царство» Сына. К такому же образу прибегал к 19 веку Константин Франц, консерватор-федералист и противник Бисмарка, желавший от всей души политического единства, поднимающегося над противостоянием общества и государства («и это третье превосходящее начало мы называем империей»). Именно поэтому уже с конца первой мировой войны это выражение стало часто использоваться в кругах приверженцев Консервативной революции. В 1919 году в «Закате Европы» Шпенглер писал: «Третий рейх это германский идеал, это вечная заря, с которым связывали свои жизни все великие люди, начиная от Данте и заканчивая Ницше и Ибсеном» (110). В 1921 году Томас Манн видел в идее Третьего рейха «содержащую обобщение идею, [которая] появилась на мировом горизонте по прошествии нескольких десятилетий». В духовном и метафизическом варианте то же самое выражение можно отыскать у Стефана Георге (111).

Верным своему методу, Мёллер видел в идее Третьего рейха прежде всего принцип, имеющий ценность мифа, «мировоззренческую идею» (*Weltanschauungsgedanke*). Он переводит ее также в историческую плоскость. Первый рейх возник в результате каролингского возрождения — но императоры Священной Римской империи совершили политическое самоубийство чисто в пользу папы и Рима. Второй рейх, рейх Бисмарка, ждала такая же судьба: он был привязан к цели создать «немецкое государство для немецкого народа» вместо того, чтобы дать рождение «немецкой империи в прусском стиле». Третий рейх, пришествия которого желал Мёллер, не имел отношения к двум другим в смысле преемственности или отсутствия преемственности, обратимости или необратимости. Он не представляет собой даже финал процесса, так как место не говорит заранее о его значимости. Напротив, как и предшественники, он оценивается в плане противопоставления: Третий рейх будет противопоставлять западной «цивилизации», точно также как первый противостоял античной «культуре», а второй — итальянской красоте, с того момента, как они потеряли свою творческую силу. Творение энергии «молодого народа», Третий рейх будет как это последний по природе своей динамичной реальностью, богатой новыми возможностями, и следовательно постоянно незаконченным. «Немецкие националисты сражаются за финальный рейх, - писал Мёллер, - и он является целью их устремлений. Но он никогда не будет достигнут. Он совершенство, которое может быть достигнуто только в несовершенном (с.324) (112).

«Третий рейх» написан в достаточно живом стиле, иногда памфлетическом, некоторые места особенно лаконичны — на язык Мёллера часто оказывал влияние экспрессионизм. Мёллер, как говорил Эдмон Вермель, «представил свои тезисы с убедительной простотой, отличной от сжатой тяжеловесности Шпенглера, сложности Ратенау, пронизательности Томаса Манна и местами эзотерического тона Кайзерлинга. Его заклинания обладают той яркой искренностью, которая завоевывает сердца». Книга состоит из восьми глав, имеющих в качестве подзаголовка фразы, выступающие в качестве лейтмотива: Революция («Мы хотим выиграть революцию»), Социализм («У каждого народа свой собственный национализм»), Либерализм («Либерализм ведет народы к гибели»), Демократия («Демократия это участие народа в собственной судьбе»), Пролетариат («Пролетарием является тот, кто хочет быть пролетарием»), Реакция («Политику можно повернуть вспять, историю - никогда»), Консерватизм («Вечность на стороне консерватора»), Третий рейх («Нам следует иметь силы жить среди противоречий»).

Включая на всем протяжении текста имеющие общее значение теоретические абзацы и анализ текущей ситуации в Германии, труд имеет своей целью прежде всего воздействовать на умы, пробуждая чувства. «Эстетическое чувство и эмоции, испытываемые автором, - замечает Гюнтер Машке, - побуждают представить политику, существующую в соответствии с принципами, которые сами по себе не имеют ничего общего с политикой. Мёллер отвергает и соединяет на свой вкус идеологии, структуры и интересы ради чисто эстетической идеи нации» (114).

Убежденный, что каждый народ обладает душой, готовой воплотиться в новых формах, Мёллер от всей души желал «революционной бури», благодаря которой немецкий народ вернул бы себе свои собственные ценности, вытесненные декадентством и восточным рационализмом. Но он подчеркивал, что эта буря не начнется сама по себе. Чувство, которое Тьерри Мольние выразил достаточно верно в своем предисловии к французскому изданию: «Жизнь это благо, которое покупается и покупается за большую цену, мы должны убедить в этом себя, а не своих соседей. Отсюда давайте покончим с политикой страха, политикой мелкой буржуазии, которая стремится уверить нас, что можно без риска обладать тем, что народы должны обретать и сохранять в постоянном риске. Единственная безопасность, которой мы достойны, эта та, которую мы сами себе обеспечили. (...) Не стоит труда выживать народу, если он живет благодаря милостыне и благодаря защите».

Итак, Мёллер хочет встать над противоречиями настоящего времени и, как скажет Ганс Шварц, «свести людей, происходящих из разных лагерей». Ради этой цели политика должна быть избавлена от всего того, что в большей или меньшей степени напоминает противостояние между группами интересов. Политика должна прекратить быть «политической». Интересы должны уступить место ценностям. Но существующие партии совершенно не способны произвести подобное изменение. Также Мёллер в письме, адресованном фон Гляйхену, который написал предисловие к книге, напоминает об их общем мнении, «что все несчастья немецкой политики берут начало от партий»: «Если нам суждено погибнуть, то именно партии нас погубят». Между тем «невозможно сокрушить только партии, основывающиеся на собственном мировоззрении». Именно эту концепцию, этот взгляд на мир Мёллер предлагает «немцам, принадлежащим ко всем партиям», принимая «третью точку зрения», которая основывается на идее Третьего рейха

- «исторической концепции, которая возвышается над реальностью».

Для Мёллера, как и для Достоевского, врагом номер один был, без сомнения, либерализм. Для идеологии «Люмьер», которая сделала общим достоянием индивидуализм и аксиоматичность интересов, Мёллер не находил достаточно резких слов: «Либерализм подорвал культуры. Он разрушил религии. Он уничтожил чувство родины» (с.134). Он ведет народы к «их гибели» (с.116). Мёллер объявляет рассудок либеральным феноменом, которому он противопоставляет консервативное понимание: «В понимании заключается сила человека, тогда как в рассудке скорее слабость» (с.269-270). Эта враждебность к либерализму, присущая Мёллеру с начала века, «имела своей мишенью прежде всего либерализм как образ мышления» (Денис Гельдель). Она проистекала также из общего представления о человеке. Мёллер не верил ни в то, что человек «по природе добр», ни в то, что он находится на Земле, чтобы отыскать рационалистическим образом свою «лучшую выгоду». Это последнее выражение показывает к тому же, что либеральная идеология является только философским оправданием экономизма: «На либерализме лежит подозрение, что он основан на обмане, который заключается в том, чтобы оправдать выгоду идеями» (с.133-134). Мёллер обрушивается также на «абстрактную» и «деструктивную» природу либерализма, за ту манеру, в которой он разрушает коллективное и общинное самосознание. Либералу достаточно, пишет он, - «что поколение искателей удовольствий может наследовать другому, для того чтобы благо человечества, на его взгляд, было гарантировано, и в любом случае его личное благо, которое для него важнее всего (...) Консерватора не одурачить таким шарлатанством. Он без колебаний говорит либералу, что чтобы он не предпринимал, он зависит от условий жизни данной общности. Он не колеблясь говорит ему, что он, желая избежать обязательных взаимоотношений, может только наслаждаться тем, что приготовили для него другие. Он не колеблется ему сказать, что либерализм только пользуется тем, что принадлежит консерватизму, который ему предшествовал» (с.257-258). Мёллер показывает затем, что существует тесная связь между аналитическим образом мышления и идеологией, которая возвела индивида в ранг абсолюта и отвергла возможность автономии социума: «Атомизм в науке ведет к атомизации общества» (с.137). И тут либерализм разоблачается как подлинный космополитизм. Эта идеология, которая не придает никакого значения существованию культур и народов: «Либерализм хочет изображать из себя благодетеля народа. Но, в действительности, он уничтожает народ и ставит на его место «Я». Либерализм присущ обществу, которое не является более общностью. (...) Либерализм не характерен для общества, в котором господствует порядок, но для общества, уже подвергшегося разложению. (...) Всякий человек, который не чувствует себя более членом общности, является некоторым образом либералом» (с.132-134). Наконец, будучи эгалитарным по своей сущности, либерализм только ставит во главе угла посредственность: «Суть либерализма это человеческая непосредственность, и то, что он хочет завоевать, это только свобода для каждого иметь право быть «средним человеком». Его идеал обуржуазивание вместо облагораживания, банальная жизнь вместо жизни исключительной. В физической жизни он желает позволить делать все, что угодно, в нравственной сфере — все понимать и все прощать, в экономической — терпеть убытки ради принципа свободы торговли, в международных отношениях — проповедовать, используя космополитическую фразеологию, братство народов и право вести исключительно оборонительную войну».

Что касается марксизма, то Мёллер полемизировал с ним в своих работах по тем же самым причинам, по которым он недавно критиковал «натурализм» и впоследствии расизм: потому что он отвергал детерминизм и материализм. «Маркс проник в материю, - писал он, - но он застрял в этой материи». Также материалистическая концепция истории была, как указывает ее название, только концепцией истории материи» (с.87). Конечно, Карл Маркс верно определил классовый характер либерального девятнадцатого столетия и сумел удачно показать пустоту буржуазной идеологии. Но он ограничился тем, что было на поверхности. Вместо того, чтобы исследовать глубинные причины феноменов, которые он анализировал, он обдуманно избрал редукционистский материализм: «Материалистическая концепция человека, занимаясь прежде всего не человеком, а экономикой, просто отказалась от истории» (с.85). Точно также как и либералы, Маркс верил, что сущностной пружиной человеческого духа являются исключительно материальные предпосылки. Отсюда он вывел, что не было проблем, стоявших перед человечеством, которые оно не смогло бы разрешить: «Перед человечеством никогда не вставали проблемы, с которыми оно не было бы в состоянии справиться. В этом его величие». Маркс остановился на «условиях производства», не спросив себя даже о смысле этого производства. Он не понял, что буржуазия, прежде чем лишить народ прибавочной стоимости его труда, украла у него сначала его душу. Для Мёллера, напротив, именно в духовной сфере заключена основа социального вопроса и предпосылки его разрешения. Он утверждает что экономика не только ниже духовной сферы, но и сама зависит от нее: «Однажды признают, что великим недостатком девятнадцатого столетия было то, что из желудка сделали единственное мерило того, что есть человеческое» (с.85). Механический перенос на человеческое общество дарвиновской концепции «естественного отбора» уже не было ошибкой. Но действительная ценность марксистской концепции классовой борьбы еще ниже. Эта концепция помешала Марксу понять, что один народ (Voelk) целиком может угнетаться другим народом, и именно поэтому он остался нем при виде великих конфликтов между нациями. Мёллер привел пример Германии, страдавшей от условий Версальского договора, «пролетаризированной» страны, победители которой эксплуатировали труд ее народа как капиталистические рантье. В конце концов, Мёллер видел в Марксе «духовного ниспровергателя (Zerdenker) европейской экономической структуры» и противопоставлял высказыванию Ратенау, согласно которому «экономика это судьба», высказывание **Наполеона** «политика это судьба» - та политика, которая является прежде всего «искусством необходимого» (die Kunst des Notwendigen).

Мёллер тем не менее не отвергал отсюда социализм. Он даже настойчиво утверждал, что «у каждого народа есть свой собственный социализм» (115). Что такое социализм, если не «факт, что вся нация чувствует себя одним целым»? Марксу, провозглашавшему, что у рабочих нет отечества, Мёллер, напротив, отвечает, что у них есть только это: их родина. Следовательно, разрешение социального вопроса неразрывно связано с разрешением национального вопроса. С одной стороны, «социализация» может идти рука об руку только с «национализацией» (Sozialisierung ist Nationalisierung) (116). С другой, не может существовать справедливых отношений между классами внутри нации, если им не предшествуют справедливые отношения между нациями. Мёллер повторяет, что один народ целиком может быть жертвой вражды со стороны других. Итак, не проповедь интернационализма положит конец угнетению, а позволение каждому народу свободно располагать самим собой: «Мировая революция может быть осуществлена только в национальном ключе. У каждой нации есть своя особенная миссия (...) Мы не думаем, что

эта мировая революция осуществится согласно предвидениям Маркса. Мы считаем, что она произойдет скорее согласно предвидениям Ницше. Здесь, как и повсюду, Маркс и Ницше противостоят друг другу» (с.221).

Под определением «немецкий социализм» Мёллер понимал наряду с определенной формой сотрудничества на уровне предприятия общность народного труда, организованного по корпорациям, что не может не напомнить «производственную корпорацию» (то есть корпорацию как производственную единицу, принадлежащую производителям, рабочим и техникам), о которой **Уго Спирито** говорил на конгрессе в Ферраре в 1932 году — и что вызвало его разрыв с режимом **Муссолини**. Концепция такого «социализма», черты которого Мёллер не уточнял, был несомненно вдохновлен идеями Фихте, Листа и **Штайна**, а также опытом средневековых корпораций. Мёллер не колеблясь считает предшественником своих экономических тезисов лидера анабаптистов **Томаса Мюнцера**, казненного через обезглавливание в 1525 году во время Крестьянской войны, на которого предъявлял претензии с другого конца политической сцены **Эрнст Блох**. Он дошел даже до того, что увидел в рабочих советах практику некоторых еретических сект Средневековья (117). «Идеи, берущие начало из самой древней традиции и родственные самому свежему восприятию цели, которую надо достичь, - писал он, - и есть немецкий социализм (...) Мы не хотим ставить акцент на контрастах. Мы не хотим, чтобы они дополняли друг друга» (с.112-113). Также как он не хочет ни разделения нации, ни сверхцентрализованного государства, но государства одновременно органического и федеративного, ни парламентской демократии, ни диктатуры, но подлинного народного представительства, Мёллер не высказывается в конечном итоге ни за рыночную, ни за коллективистскую плановую экономику, но за экономику «сотрудничества» или органическую модель, действующую в рамках сословного государства (Staendegesellschaft). Эти «сословия» (Staende) заняли бы место партий в представительной системе, соединяя субъекты федерации или регионы, политические корпорации и корпорации экономические. Общество стало бы объединением отдельных общин (Verbaende), каждая из которых пользовалась бы самой широкой автономией (118).

Одной из первых задач немецкого социализма будет положить конец существованию пролетарского сознания. На деле у Мёллера принадлежность к пролетариату определяется в меньшей степени материальным положением, нежели чем духовным: «Пролетарием является тот, кто хочет быть пролетарием. Именно не машина, не механизация труда, не труд по найму делают из человека пролетария, но единственно осознание самого себя пролетарием» (с.216). Массы прекратят быть пролетарскими в тот день, когда они смогут воспринять другие ценности помимо экономических и рыночных — в тот день, когда у них пропадет желание обуржуазиваться в свою очередь. Итак, Мёллер хочет «одухотворить» пролетарское движение. Речь идет, как всегда, о том, чтобы придать другое значение терминам, связанным с проблемой: только благодаря движению масс вихрь, который мы пробудили внизу, заново сделает очевидными ценности, связанные с принадлежностью к нации». Чтобы изменить пролетарское сознание немецкая революция должна связать идею собственности с представлением о заслугах и сокрушить финансовую олигархию.

Но самая интересная часть книги эта та, где Мёллер стремится дать как можно более точно определение термину «консерватизм». То, что следует сохранять, - пишет он, - это

то в жизни народов, что неразрывно связано с набором ценностей, которые присутствуют во всех изменениях и одновременно существуют благодаря этим изменениям. Поэтому принцип сохранения это не «закон инерции, как повсеместно полагают, но, напротив, кинетический закон, согласно которому все возрастает с непрерывностью, которую никакое потрясение не сможет прервать» (с.51). В мире вечного становления «сохранение и движение не исключают друг друга, но вызывают одно другое. И то, что пребывает в мире в движении, это не сила, которая несет разрушение, но сила, которая обеспечивает сохранение» (с.248). Консерватизм, желающий ассоциироваться с тем, что неизменно, и с тем, что подвержено изменению, вынужден вести войну на два фронта: «Реакционер неспособен к творчеству. Революционер может только разрушать или служить достижению целей, которые сам не знает, самое большее, он расчищает новое пространство. Что касается консерватора, то он создает вечное пространство, он придает явлениям форму, в которой они могут выживать и сохраняться через зависимость от того, что может погибнуть в этом мире (с.250). В этом смысле консерваторы никоим образом не являются пессимистами. Они стремятся иметь связи с прошлым, но не реставрировать его» (с.237). В противоположность прогрессистам, которые «живут надеждами, которые никогда не сбываются», они «думают о тех устоях, которые постоянно возрождаются» (с.82-83). Идея начала для них неразрывно связана с идеей возвращения: «для консервативного мышления все вещи рождаются в начале. И всем вещам присуще великое повторение сначала» (с.258).

Разница между консерватизмом и реакцией очевидна. «Консерватизм это не реакция», - заявляет Мёллер ван ден Брук. Для него реакционер является только «выродившимся консерватором», «опасностью для нации», «внутренним врагом». Подвергая критике старый консерватизм, который со времени **Меттерниха** и **Фридриха-Вильгельма III** был связан с реакцией, занимаясь защитой необоснованных привилегий, он показывает, что консерватор нового типа также далек от этой тенденции, как и от прогрессизма: «Революционер воображает, что мир будет навсегда организован по политическим лекалам, в соответствии с которыми он его перевернул вверх дном. Реакционер делает противоположный вывод и верит на полном серьезе, что возможно убрать революцию из истории, как будто ее никогда и не существовало» (с.222). Реакционер даже еще хуже чем революционер, потому что в то время как этот последний всегда может отказаться от своих заблуждений, когда его проект натолкнулся на последствия его реализации, первый, изначально не обладая способностью что-либо воспринимать, может ограничиваться исключительно своей точкой зрения. То, что больше всего не хватает реакционеру, это осознание того, что история движется. Реакционер «полагает, что нам остается только возобновлять древние формы, чтобы все вещи вновь становились такими, как они были» (с.223). И в то время как консерватор осознает наличие неизменного, взирая на будущее, реакционер испытывает это чувство, только созерцая прошлое: «Реакционер представляет себе мир таким, каким он всегда был. Консерватор видит его таким, каким он всегда будет. Он ощущает дух своей эпохи. И он ощущает дух вечности. То, что было, никогда больше не будет. Но то, что есть всегда, постоянно может возвращаться на поверхность» (с.227). Это именно та причина, по которой, в сущности, реакционер ничего не понимает в политике: «Реакционная политика вообще не является политикой. Консервативная политика вот это великая политика. Политика становится великой только тогда, когда она творит историю: тогда она не может потерпеть крах» (с.227). Проецируя историю на будущее, консерватор ощущает соединение в нынешний миг прошлого, настоящего и

будущего. В настоящем времени он видит «силу, выполняющую посредническую функцию при переводе прошлого в будущее» (с.256). Вечность на стороне консерватора, так как он живет «в осознании вечности, которая объемлет все временное» (с.225). И именно в этом заключается его сила: «Настоящее это точка в вечности, прошлое вечность, которая пережита, будущее вечность, которая открывается — но которой нам нет нужды ждать, потому что мы в ней живем».

В противоположность реакции, которая представляет собой нечто застывшее, консерватизм это живая реальность. Ее нельзя получить один раз на все случаи жизни, но, напротив, она должна постоянно обретаться заново. В человеческих отношениях, пишет Мёллер, консервативное мышление видит «не возвращение вещей, которые уже были, но возвращение того, что постоянно присутствует в них. И это вечное должно в духовном плане постоянно вновь создаваться во временном» (с.275). Другими словами, консерватор обречен на то, чтобы создавать новые формы: «Быть консерватором ныне означает находить для немецкого народа форму его будущего» (с.285). Но это также означает принимать то, что случилось, так как невозможно ничего сделать, чтобы смогло помешать этому случиться. Мёллер убежден, что «не стоит возвращаться назад и не восстанавливать греков», как сказал Ницше, и что им не владеет никакая ностальгия, чтобы стирать цезуры в истории, хорошие или плохие, когда они возникают. Ноябрьская революция 1918 года стала одной из этих цезур. После нее стало бесполезно уже мечтать о «реставрации». Возвращение к старому режиму могло бы стать только бедствием. Это было еще одной причиной, по которой Мёллер, принимая с виду «язык противника», старался придать новое значение терминам, традиционно бывшим в почете на левом фланге: «социализм», «демократия», «революция». Некоторые увидят в этом простую тактическую уловку и в то же время подтверждение того, что негативная интерпретация этих терминов стала попусту просто невозможной в эпоху и в обществе, «где господствуют левые». Однако, несомненно, что для Мёллера речь идет, напротив, о том, чтобы воспользоваться новой ситуацией, чтобы придать словам их подлинное значение (119).

С того времени лучше понятно, что Мёллер подразумевал под выражением «выиграть революцию». 9 ноября 1918 года, позавтракав с Максом Гильдебургом Бемом на Унтер-ден-Линден, будущий автор Третьего рейха видел проезжавшие по улице грузовики, набитые восставшими солдатами. Тогда он ограничился словами: «Революция, которой не присуще воодушевление». «Выиграть революцию», значит, это, прежде всего, признать, что она произошла и затем повернуть ее таким образом, чтобы она служила совсем другим целям, нежели тем, для которых она замысливалась. «Невозможно отменить революцию, - писал Мёллер, - и с момента когда революция стала свершившимся фактом, она остается единственной данностью, которую возможно рассматривать, для человека, имеющего собственные взгляды на политику и историю» (с.51). Но реакционеры неспособны вести себя таким образом. Впрочем, они показали свою ограниченность во время капповского путча в марте 1920 года, по мнению Мёллера это как раз пример того, что не следовало делать. «Реакция (...) хотела господствовать через принуждение, что повлекло ее громкое поражение как в 1918 году, так и в марте 1920 года, когда она готовилась начать заново. Консерватизм, напротив, умеет извлечь уроки из этих повторяющихся поражений. Он намеревается господствовать, порождая согласие, устанавливая консенсус, заменяя послушание, вызванное принуждением, послушанием, вызванным согласием» (120).

Точно также как самый унижительный мир может обратиться в победу, спорная в политическом плане революция может быть «выиграна» при условии, что она оправдана с исторической точки зрения. Тогда можно будет, переворачивая для нее полюса значения, вынудить произвести ее новые последствия. «Значение событий, - подчеркивает Мёллер, - проявлялось только в их последствиях», и именно на этих последствиях консерватор делает метаполитический акцент» (с.225). Но на это способен только консерватор, а не реакционер или революционер, которые видят в революции только политическое событие, которое один отвергает, а другой — принимает, - так как он один может увидеть «историческое событие, признать, что позади революции происходит событие духовного плана, которое ее сопровождает, которое ее движет и из которого она происходит» (с.224). Для того чтобы революция могла быть «выиграна», для того чтобы она вступила в свою «консервативную фазу», Мёллер проповедует подход, который можно было бы резюмировать выражением **Юлиуса Эволя**: «оседлать тигра». Наконец, идя еще дальше, он заявляет, что всякая революция является с неизбежностью консервативной, поскольку она имеет своей неотвратимой целью воссоздание организованного общества, и что любой консерватизм должен быть революционным, поскольку только революция позволит заново оценить и воссоздать то, что следует сохранять. «Тот, кто является революционером сегодня», - писал он, - завтра станет консерватором (...). Мы не хотим продолжать революцию, но хотим добиваться воплощения ее идей, идей, которые она заключала в себе, но не понимала. Мы хотим связать эти революционные идеи с идеями консервативными, мы хотим сделать нечто вроде консервативно-революционного сплава и создать, наконец, условия существования, которые будут приемлемы» (с.60-61). Итак, постоянно обнаруживается одна и та же идея: связывать, объединять, становится над относительными противоположностями. «Цель, которую добивается революционер, и цель, которую добивается консерватор, полностью совпадают (...) Вопрос лишь в том, чтобы знать, обязан ли будет консерватор ликовать по поводу революции или отыщет ли революционер со своей стороны консервативную стезю».

Именно отвергая одновременно принципиальный оптимизм, свойственный идеологии прогресса, и принципиальный пессимизм тех, которые могут смотреть на настоящее только через очки прошлого, и параллельно противопоставляя им волюнтаризм поколения, решившего изменить мир на свой лад, Мёллер лучшим образом отвечает тем, которые подобно Фрицу Штерну, хотели сделать из него адепта культурного пессимизма. К тому же Денис Гельдель выступил против этой «архаизирующей» точки зрения на Мёллера, которая обнаруживается у **Пьера Вайде** (121), когда он подчеркивал наличие у Мёллера наряду с элементами, принадлежащими консервативной традиции, элементов, присущих современности: «Этим интерпретациям в духе «культурного пессимизма» мы противопоставляем интерпретацию в духе футуризма, в котором мы видим матрицу отношения Мёллера к современности» (122).

В противоположность тому, что можно было ожидать, Мёллер не получил после выхода в свет «Третьего рейха» тот прием, на который он рассчитывал. Впрочем, тогда общая обстановка для младоконсервативного движения была достаточно плохой. После кризиса 1923 года кажется установился период относительной стабильности. Даже правая оппозиция встала на сторону правительства. Некоторое количество членов Июньского клуба принялось искать выгодные политические союзы и под обычными предложениями необходимости «эффективности» и «реализма», служащими классическим прикрытием

для личных амбиций и оппортунизма, рассеялись по кружкам и клубам, которые начинали уживаться с национал-либеральными кругами. На протяжении 1924 года можно было вслед за **фон Клемперером** наблюдать (123), что Июньский клуб практически прекратил существование. В декабре 1924 года вопреки мнению Макса Гильдеберта Бема Генрих фон Гляйхен основал Клуб господ и стал его генеральным секретарем. Именно здесь, все более и более тесно связываясь с истеблишментом, он в полной мере проявит свои способности.

В 1925 году, впав в отчаяние вследствие такого развития ситуации, Мёллер отказался присоединиться к Клубу господ, чьи программные установки он не одобрял. С каждым днем он становился все более отдаляется от некоторых из своих бывших соратников. В то время как Германия казалась ему находящейся на самом дне, его преследовало ощущение, что он всеми заброшен и что он не встречает вокруг себя понимания. Он не верит более в возможность оздоровления и не испытывает ни малейшего доверия новым политическим силам, которые начинали тогда появляться. Его нервная система, которая всегда была хрупкой, испытывает удар со стороны такого расположения духа.

В начале года, едва достигнув сорока девяти лет, Мёллер погружается в депрессию, от которой ему уже не суждено будет оправиться. Усталый, одинокий, удрученный, он решает распорядиться своей жизнью в соответствии с принципом, заявленным Генрихом фон Клейстом: *“Libre devant la vie, libre devant la mort”*. 30 мая 1925 года, неделю после избрания Гиндебурга президентом, он совершает самоубийство в Берлин-Вайсензее, сам положив конец жизни, омраченной чувством тревоги и меланхолией. Он был погребен на кладбище в Лихтерфельде, и некоторые из его близких присутствовали на его похоронах. Надгробную речь произнес Макс Гильдеберт Бем (124). Популярные газеты даже не напишут об его кончине. Затем будет несколько публикаций, в которых неверно утверждалось, что он умер от болезни в санатории под Берлином.

Точные причины самоубийства Артура Маллера ван ден Брука до сих пор остаются относительно туманными. Отто Штрассер писал, что Мёллер не говорил «о дне, когда он понял, что Гитлер предал свои идеалы» (125) — что сделает Мёллера по выражению **Эрнста Джека**, «одной из первых жертв гитлеровского Третьего рейха» (126). Этот взгляд (совершенно в духе Шпенглера) остается очень безосновательным, будучи неприемлем по соображениям хронологии: в 1925 году Гитлер едва воссоздал свое движение, после того как освободился из крепости Ландсберг. Со своей стороны в своем предисловии к французскому изданию «Третьего рейха» **Тьерри Мольние** писал по поводу Мёллера: «Этот молодой писатель, полный энтузиазма и трезвомыслящий, считавший, что политика **Штреземана**, мягкая политика, политика Локарно, унижала и бесчестила Германию, покончил с собой». Эта гипотеза уже более приемлема. Самым же разумным, однако, остается без сомнения считать, что Мёллер не смог перенести распад школы мысли, которую он создал, а также отчуждение (или предательство) некоторых из его друзей, и, с другой стороны, опасаясь окончательных последствий своей болезни, которая бы сделала из него инвалида, он хотел избежать того, чтобы из этого можно было извлечь аргумент для дискредитации его предприятий. По свидетельству его друга Ганса Шварца, который был его душеприказчиком и распорядителем его интеллектуального и духовного наследия, его последними словами, записанными на бумаге, были: «Я спасаю наше дело» (*Ich rette unsere Sache*). Эта пророческая фраза косвенно оправдывает оценку Тьерри

Мольние: «Мёллер ван ден Брук был из породы тех, которые предпочитают победу смерти и в их смерти заключается победа его близких, которых он намеревался убедить. Он не представлял свое самоубийство как отречение, но как приуготовление, как конец, но и как начало, он хотел, чтобы оно стало призывом к надежде и бунту...»

Сразу же после смерти Мёллера оставшиеся структуры Июньского клуба распались. С этого времени Клуб господ фон Гляйхена представляет собой самое важное неоконсервативное объединение со своим филиалом, Младоконсервативным клубом, который также находился на Моцштрассе. Находясь более или менее сбоку, Великогерманский клуб продолжал свою деятельность среди немцев, живущих за границей. Группа вокруг журнала «Тат», который взял в свои руки Ганс Церер в октябре 1929 года, также начала обретать значимость. Идеи Мёллера продолжали распространяться и на них предъявляли претензии все эти группы, но с разной тональностью, местами даже противоположной, что порождало обвинения в злом умысле и в предательстве. Верный друг Мёллера Ганс Шварц (которого Армин Мёллер отнес к числу «прусских мистиков» (127), поддерживаемый его вдовой, обвинял в особенности окружение **Вальтера Шотте** и фон Гляйхена в том, что они «либерализировали» Мёллеровские идеи вместо того, чтобы «революционизировать» их, и обратились в сторонников капитализма. К тому же он прилагал усилия, хоть и безуспешно, чтобы не допустить публикации письма фон Гляйхена в качестве предисловия к первому изданию «Третьего рейха» (128).

1 января 1928 года еженедельник «Гевиссен», которым Штадтлер продолжил руководить после смерти Мёллера, прекратил выходить. На его месте появился другой еженедельник, «Дер Ринг», который фон Гляйхен превратил в орган Клуба господ и пост главного редактора которого был доверен **Фридриху Форверку**. В том же самом 1928 году Ганс Шварц начал издавать журнал, выходящий один раз в два месяца, «Der Nahe Osten» («Ближайший Восток»), которым он руководил вместе с **Берндом фон Веделем** и адмиралом **Адольфом фон Трота**, и редакция которого, в свою очередь, находилась на Моцштрассе. Уже в первом номере издания, которое вынуждено было закрыться в 1936 году, было заявлено намерение «продолжить труд, начатый Мёллером ван ден Бруком», а именно что Ганс Шварц взял на себя издание и посмертную публикацию трудов Мёллера (к несчастью, с некоторыми исправлениями и поправками, внесенными в его статьи) и основал Архив Мёллера ван ден Брука в Берлине.

Эти усилия не остались напрасными. Можно отметить, что вдруг в конце двадцатых годов произошло нечто вроде стремительного возвращения идей Мёллера, чья популярность даже вновь начала расти, если быть более точным, вплоть до 1933-34 гг. Несколько переизданий, а также публикация посмертных сборников, способствовали этому возрождению. Начиная с 1929 года имя Мёллера все чаще упоминается в журнале «Ди Тат». «Мёллеровские» темы продолжают также появляться в «Дер Ринг», который под влиянием фон Гляйхена, сблизился сначала с **Брюнингом**, затем с **Папеном** и **Шляйхером**. После парламентского кризиса 1928 года, смерти Штраземана и краха продолжавшегося краткий период веймарского процветания ситуация стала меняться, создавая климат, в котором тезисы Мёллера вновь обрели свою актуальность. Переизданная в 1926 и 1931 годах, переведенная на французский и английский, книга «Третий рейх» стала, бесспорно, соблазном для молодого поколения, тираж книги в

Германии за несколько лет достиг более чем 100 тыс. экземпляров. Последствие было неожиданным: в общественном мнении выражение «Третий рейх» начало ассоциироваться чаще с именем Мёллера ван ден Брука, чем с именем Гитлера. В 1930 году **Эрнст Г. Поссе** заметил, что это выражение «доминирует в понятийном мире всех националистических течений» (129). «Когда я приехал первый раз в Германию в 1930 году, - писал со своей стороны **С. Д. Штирк**, - «Третий рейх» Мёллера ван ден Брука был намного более известен, намного более читаем и обсуждаем, чем «Майн камф» Гитлера» (130). Но по мере того как вновь распространялось мёллеровское влияние, идеологическая полемика также становилась более оживленной. Повсюду устраивались дискуссии с целью узнать, кто был «настоящий» Мёллер. В сентябре 1932 года специальный номер журнала «Дойчес Фолькстум», издаваемого **Вильгельмом Штапелем** и **Альбрехтом Эрихом Гюнтером** в сотрудничестве с Обществом Фихте, был целиком посвящен жизни и творчеству Мёллера ван ден Брука. Это поспособствует поддержанию легенды, если не культа.

Приход к власти нацистской партии положит конец этому возрождению. В своих воспоминаниях **Густав Штейнбемер** писал: «У младоконсервативного движения был трагический конец, и оно не имело продолжения. Национал-социализм, казалось, носит лохмотья его идеалистической системы, превращая их в звучные лозунги, необходимые, чтобы завоевать симпатии, в то время как активное сопротивление было жестоко подавлено» (131). Уже в 1933 году начались проблемы, был конфискован Архив Мёллера ван ден Брука (132). Тезисы Мёллера оспаривались со стороны НСДАП, в особенности окружения **Альфреда Розенберга**. Он, в чьем журнале еще в 1932 году Мёллер именовался «великим патриотом» (133), подчеркивал с тех пор глубокие различия, отличающие идеи младоконсерваторов от национал-социализма. Он ставил в упрек Мёллеру его точку зрения на расы, а также его теорию «молодых народов», его диалог с Радеком или его симпатию к России и славянским народам (134). В 1935 году Мёллер стал объектом для постоянных нападок в ежедневной газете НСДАП, также как в печатных органах СС и гитлерюгенда (135). **Вильгельм Зеддин**, выражающий официальную точку зрения, распространил эту критику на всю Консервативную революцию в брошюре, в которой «пруссачество» было подвергнуто жестокому разгрому. В ней Мёллер обвинялся в том, что он пропагандировал «магию Востока» (oestliche Magie), в том, что он хотел принести Германию в жертву России, наконец, в том, что он был только лишенным какого-либо чувства реальности представителем «писательской клики» (Literatenclique) (136). С тех пор, уточняет Освальд фон Ностиц, «труды Мёллера рассматривались как нежелательные (unerwuensche) и исчезали постепенно из продажи» (137).

Параллельно политика насаждения единомыслия (Gleichschaltung) повлекла остановку публикации статей об авторе «третьего рейха», как, например, публикацию сборников, которой занимался Ганс Шварц. В 1936 году переиздание и распространение книг Мёллера было запрещено за исключением, кажется, очерка, посвященного прусскому стилю (последнее издание «Третьего рейха» выйдет еще в 1940 году, но при этом из публикации будет изъято письмо фон Гляйхена и введение Ганса Шварца). В то же самое время в книге **Вольдемара Финка**, посвященной «идеологии Востока» (138), были подвергнуты официальному осуждению взгляды Мёллера на европейский Восток.

Окончательный вердикт был вынесен в 1939 году, когда вышла биография Мёллера в

форме памфлета за подписью **Гельмута Ределя**, являвшаяся безапелляционным осуждением всей системы мёллеровского мышления. В особенности Редель отвергал взгляды Мёллера на расу: «Сегодня от расовой концепции Мёллера ван ден Брука нас отделяет пропасть» (139). В том же самом году Мёллер подвергся идентичным нападкам в статье **Майера Лексикона**. Редель заключает: «Мёллер ван ден Брук никоим образом не визионер и пророк третьего рейха, но последний из консерваторов. Согласно его политической теории, не существует пути, ведущего к будущему для немецкого народа — потому что согласно ему не существует пути к национал-социализму» (140).

Несколько этих фактов позволяют увидеть, насколько невежественными являются те, которые начиная с 1933 или 1945 года хотели сделать из Мёллера «предшественника гитлеровского движения» (141). Даже хотя некоторые из его близких к несчастью внесли сами свой вклад в становление этого неверного представления, чтобы спасти из труда Мёллера то, что еще можно было, факты не оставляют ни тени сомнения. Как это заметил **Гюнтер Машке** во время празднования столетия со дня рождения Мёллера, считать Консервативную революцию и национал-социализм родственными явлениями на основе их общей враждебности к Веймарской республике, «означает не видеть глубокие корни этой идеологии, игнорировать сложность интеллектуальной и духовной ситуации Германии того периода и приписывать унылой реальности веймарской демократии достоинства, которые она никогда не имела. Были ли среди интеллектуальной элиты двадцатых годов вообще такие, кто решительно защищал республику? Левые, как и правые, несут ответственность за ее крах, теоретики с таким же основанием, что и такие люди, как **Карл Шмитт, Бертольд Брехт, Эрнст Юнгер, Тухольский, Георг Гроц** или Мёллер ван ден Брук». Гюнтер Машке добавляет к этому: «Национал-социалисты стремились дистанцироваться от этого представителя революционного национализма, и он сам испытывал только презрение по отношению к Гитлеру» (142). К такому же выводу пришел и Ганс-Йоахим Швирскотт: «Это установленный факт, что Мёллер никогда не был национал-социалистом, что он с самого начала отвергал это движение и что после его смерти национал-социалисты дискредитировали его» (143).

Хотя идеи Мёллера ван ден Брука начали реабилитироваться после войны благодаря трудам Армина Мелера и Швирскотта, автор Третьего рейха еще и сегодня остается в значительной степени обделенным вниманием. Такая же ситуация, необходимо сказать, продолжалась на протяжении большей части его жизни. Выгнанный из лица, одинокий путешественник на протяжении всей своей юности, живущий вне своей семьи, забытый или преданный большинством своих друзей, отвергнутый Веймарской республикой, также как и Третьим рейхом, Мёллер был прежде всего человеком одиноким и бунтарски настроенным. «Мёллер ван ден Брук, - говорил **Вольфганг Герман**, - принадлежал к поколению, которое его не понимало» (144). Однако ему, чьи чисто политические работы были написаны в такой короткий промежуток времени (только семь лет отделяют конец войны от его самоубийства), ему, которого так часто упрекали в том, что он только писатель или деятель искусства, пришедший в политику, чьи тексты в меньшей степени оригинальны, нежели типичны для эпохи, не хватило умения воплотить свои принципы в жизнь. Будучи более чем догматичным доктринером, он являлся теоретиком, который взывал к воображению и к чувствам. На протяжении всей своей жизни он изучал мир, в котором он жил, чтобы обнаружить признаки очертаний грядущего. Национализм являлся для него прежде всего движением сопротивления (145), что характерно для тех

авторов-романтиков, которых он, однако, нещадно критиковал. Отсюда Кальтенбруннер сделал такой вывод: «Также как под влиянием **Адама Мюллера** и **Фридриха Шегеля** романтики нерешительно служили делу реставрации в духе Меттерниха, веком позднее Мёллер ван ден Брук оказался поборником германского империализма и антидемократической оппозиции Веймарской республике. Также в политике он был романтиком, чья программа и амбиции никогда бы не встретили одобрения со стороны общественного мнения. Он не мог выдвинуть полезных предположений и не был выразителем интересов какого-либо класса или партии. Он был предвестником метаполитических видений, симфонии, которую можно назвать по-разному» (146).

Но Кальтенбруннер также писал: «Десятилетия спустя национальные движения Азии, Африки и Латинской Америки преуспеют там, где потерпела неудачу Германия 1923 года: в национально-освободительной борьбе, при которой внутренняя политика носит социалистический характер, а внешняя дружественна по отношению к России. В то время как в Германии национал-большевизм сохранился только в академическом состоянии, бывшие колонии прибегли к нему на практике как к «третьему пути» между западными державами и коммунистическим лагерем. Именно эти новые государства южного полушария планеты, каким разными не были бы их амбиции и их возможности, представляют этот третий путь, который Мёллер превозносил в качестве пути для побежденной Германии» (147).

Примечания

1. Lucy Moeller van den Bruck, « Erbe und Auftrag », в Der Nahe Osten, 15 octobre 1932, pp. 429-436.
2. Мёллер никогда не будет использовать свое имя в своих трудах, которые он будет сначала подписывать «Мёллер-Брук», а затем «Мёллер ван ден Брук».
3. Moeller van den Bruck. Ein politisches Schicksal, Frundsberg, Berlin 1934, pp. 19 ff.
4. « Vom “Preussischen Stil” zum “Dritten Reich” : Arthur Moeller van den Bruck », in Karl Schwedhelm (Hrsg.), Propheten des Nationalismus, List, München 1969.
5. Arthur Moeller van den Bruck, « Przybyszewski's “de profundis” », в Die Gesellschaft, mai 1896, pp. 664-669 ; « Vom modernen Drama », in Die Gesellschaft, juillet 1896, pp. 931-938 ; « Dehmels Lyrik », in Die Gesellschaft, février 1897, pp. 247-255.
6. Мёллер, который бегло говорил по-французски, по-английски и по-русски, проделал в этой области значительную работу, которую увенчало издание Эдгара По в десяти томах, вышедшее вслед за шестью томами повестей Мопассана. Его жена, которая оказывала ему активную помощь в этом деле, подписывалась «Хедда Мёллер-Брук». В это время Мёллер перевел следующие произведения: Barbey d'Aurevilly, Die Besessenen, 3 vol., J.C.C. Bruns, Minden 1900-02 ; Edgar Allan Poe, Werke, 10 vol., J.C.C. Bruns, Minden 1901-04 ; Barbey d'Aurevilly, Finsternis, Berlin 1902 ; Thomas de Quincey, Bekenntnisse eines Opium-Essers, Berlin-Leipzig 1902 ; Daniel Defoe, Glück und Unglück des berühmten Moll Flanders, 1903 ; Guy de Maupassant, Ausgewählte Novellen, 6 vol., Reclam, Leipzig 1919.
7. «Варьете» вначале должно было появиться под заглавием «Новый юмор» и составить одиннадцатый том серии «Современная литература».
8. « Revolutionary Conservatism : Moeller van den Bruck », в The Third Reich, Weidenfeld &

Nicolson, London 1955, pp. 319-320.

9. « Bemerkungen über Zuloaga », in *Jugend*, 1905, 9 ; « Bemerkungen über Rodin », in *Jugend*, 1907, 47.

10. Cf. Arthur Moeller van den Bruck, « Die Probleme des Futurismus », in *Der Tag*, 18 juillet 1912 ; « Die radikale Ideologie des jungen Italien », in *Deutsch-Österreich*, 1913, 52.

11. « Moeller van den Bruck : une stratégie de modernisation du conservatisme ou la modernité à droite », in *Revue d'Allemagne*, janvier-mars 1982, p. 132.

12. Cf. *Die moderne Literatur in Gruppen und Einzeldarstellungen*, vol. 5 : *Mysterien*, Schuster u. Loeffler, Berlin 1899, pp. 12-23.

13. Art. cit., p. 134.

14. *Germany's New Conservatism. Its History and Dilemma in the Twentieth Century*, Princeton University Press, Princeton 1957 et 1963.

15. *Die moderne Literatur*, éd. définitive, Schuster u. Loeffler, Berlin 1902, p. 440.

16. *Ibid.*, p. 608.

17. Hedda Eulenberg, *Im Doppelglück von Kunst und Leben, Die Fähre*, Düsseldorf 1952, p. 7.

18. Cf. Paul Fechter, *Menschen und Zeiten. Begegnungen auf fünf Jahrzehnten*, Gütersloh 1949, p. 330.

19. Сын Мёллера ван ден Брука, Петер Вильгельм Вольфганг, умер от пневмонии в возрасте двадцати одного года, незадолго до кончины своего отца.

20. *Die Deutschen*, vol. 1 : *Verirrte Deutsche*, J.C.C. Bruns, Minden 1904, p. 142.

21. *Die Deutschen*, vol. 5 : *Gestaltende Deutsche*, J.C.C. Bruns, Minden 1907, p. 33.

22. *Das Théâtre français*, Schuster u. Loeffler, Berlin 1905, p. 78.

23. *Die Zeitgenossen. Die Geister - Die Menschen*, J.C.C. Bruns, Minden 1906, pp. 3-5.

24. *Ibid.*, p. 8.

25. *Ibid.*, p. 118.

26. F.M. Dostoiewskij, *Sämtliche Werke (unter Mitarbeiterschaft von Dimitri Mereschkowski)*, 22 vol., R. Piper & Co., München 1905-15. Второе издание выйдет в 1922 году. Издания Пипера вновь будут выпущены серией в 1950 году, но без предисловия Мёллера ван ден Брука. О концепции и о реализации этого проекта см. воспоминания издателя: Reinhard Piper, *Vormittag. Erinerrungen eines Verlegers*, Piper, München 1947, pp. 406-416. Cf. aussi F.M. Dostoiewskij, *Politische Schriften*, hrsg. von Dimitri Mereschkowski u. Moeller van den Bruck, trad. E.K. Rashin, R. Piper & Co., München 1917.

27. Чтение Достоевского не могло не повлиять на антисемитизм части немецких правых. На эту тему см. David Goldstein, *Dostoïevski et les Juifs*, Gallimard, 1976. О влиянии Достоевского в Германии в начале века см. также Leo Löwenthal, « Die Auffassung Dostojewskis im Vorkriegsdeutschland », in *Zeitschrift für Sozialforschung*, 1934, 3, pp. 343-382.

28. См. наше введение к Ernst Niekisch, « Hitler - une fatalité allemande » et autres écrits nationaux-bolcheviks, Pardès, Puiseaux 1991, pp. 7-56.

28. См. наше введение к Ernst Niekisch, « Hitler - une fatalité allemande » et autres écrits nationaux-bolcheviks, Pardès, Puiseaux 1991, pp. 7-56.

29. Мёллер посвятит свой очерк об итальянской красоте Дойблеру, чья сестра выйдет замуж за поэта-экспрессиониста Иоханнеса Р. Бехера, который станет центральной фигурой в литературной жизни ФРГ пятидесятых годов. Противоречия между материализмом и духовностью это значимая тема в опубликованных под заглавием «Северный свет». Карл Шмитт, который был другом Дойблера со времени их учебы в

университете, посвятит очерк этому сборнику, который он интерпретировал как обвинительную речь против механистического интеллекта Запада, утратившего свою душу (Theodor Däublers « Nordlicht ». Drei Studien über die Elemente, den Geist und die Aktualität des Werkes, Georg Müller, München 1916). См. также Carl Schmitt, « Theodor Däubler, der Dichter des “Nordlichts” » (texte de 1912), in Piet Tommissen (Hrsg.), Schmittiana 1, Economische Hogeschool Sint-Aloysius, Brussel 1988, pp. 22-39.

30. Барлах упоминает Мёллера в своих мемуарах: Ein selbsterzähltes Lebens, Cassirer, Berlin 1928, pp. 68-69.

31. Денис Гедель занимался кропотливым «квантитативным» исследованием значения и распределения различных существительных, прилагательных и перифраз, относящихся в первых трудах Мёллера (1902 по 1913 гг.) к различным этническим ценностям или нациям, чтобы создать для каждого народа «этнограмму», основанную на тех характерных чертах, которые Мёллер приписывал своей собственной стране (автостереотипы) и ее соседям (гетеростереотипы). Что и можно было ожидать, больше всего места отводилось Германии и Франции. Как многие авторы его времени (и также предшествующих поколений), Мёллер находил французский дух скептическим, формальным и поверхностным. Он делал акцент на скептицизме, присущем французскому мышлению, на «поверхностном» и неаутентичном характере французской цивилизации, и на творениях искусства, из числа которых Версальский двор представлял, по его мнению, наиболее законченную модель (см. также Die Deutschen, vol. 5 : Gestaltende Deutsche, op. cit., p. 238). Германия, на его взгляд, напротив, является духовной, идеалистической, естественной. Англия это материалистическая, чуждая духовности, поверхностная страна (критика пуританской морали, философии утилитаризма и важности «репутации»). Россия представляется как мистическая, обращенная во внутрь, религиозная, но также погруженная в летаргический сон страна; Австрия как женственная и «сонная» (а именно Мёллер критикует антигерманскую позицию Габсбургов). Для характеристики Италии чаще всего используются слова «Культурная», «духовная» и «полная энергии», для США «труд», «культура» и «цивилизация».

32. У Манна, однако, противопоставление культуры и цивилизации совпадает с разницей между народом и нацией. И культура помещается в основу даже политической жизни. Для Мёллера, напротив, государство это не просто главный защитник культуры. Оно является скорее созидющим принципом.

33. Введение в книге будет опубликовано в форме статьи в Die Tat, 1911-123, pp. 138-142. В 1914 году Мёллер подумывал добавить к труду один дополнительный том под заглавием «Нордическая духовность». Но эта затея была также оставлена. Мёллер также не напишет философско-религиозный очерк, который носил бы заглавие «Реальность метафизики».

34. Die italienische Schönheit, R. Piper & Co., München 1913, pp. 295 et 455-494.

35. Edmond Vermeil, Doctrinaires de la révolution allemande, 1918-1938, NEL, 1948, p. 115.

36. Die Germanen und die Renaissance in Italien, Thuringische Verlagsanstalt, Leipzig 1905.

37. С 1912 года выходивший под руководством издателя «Ойгена Дидерикса журнал «Ди Тат» занимал «неоромантические» позиции и пропагандировал Kulturpolitik, очень далекую от вильгельмовских принципов. Враждебный к пангерманистскому движению, берущего начало от «Вандерфогель». (Дидерикс был одним из участников исторического союза «Верхняя Саксония». Поэтому «Ди Тат» станет одним из главных органов молодежного движения и в особенности «Фрайдойче Югенд», организации, с которой

Дидерикс был связан, пока этот журнал не очутился в руках Ганса Церера, который превратит его в одно из самых престижных мест встречи младоконсерваторов и создаст вокруг него «Таткрайс» (вместе с Фердинандом Фридом, Гизелером Вирсингом, Эрнстом Вильгельмом Эшманом и т.д.) Cf. Kurt Sontheimer, « Der Tat-Kreis », in Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte, juillet 1959, pp. 229-260.

38. « Kaiser Wilhelm II. und die architektonische Tradition », in Die Tat, septembre 1915, pp. 595-601.

39. В 1915 году он нашел еще средство выпустить новое издание «Симплициссимуса» Гриммельхаузена: H.J. Chr. von Grimmelshausen, Der abenteuerliche Simplicius Simplicissimus, J.C.C. Bruns, Minden 1915.

40. Мёллер будет редактировать статью «Пропаганда» для «Политического словаря», опубликованного в 1923 году под редакцией Пауля Герре.

41. Cf. Oswald Spengler, Preussentum und Sozialismus, C.H. Beck, München 1920 (trad. fr. : Prussianité et socialisme, Actes Sud-Hubert Nyssen, Arles 1986).

42. Глава, которую Мёллер посвятил Андреасу Шлютеру, будет после его смерти переиздана в составе коллективного труда: Willy Andreas et Wilhelm von Scholz (Hrsg.), Die Grossen Deutschen. Neue Deutsche Biographie, Propyläen, Berlin 1935 (Moeller van den Bruck, « Schlüter, 1634-1714 », vol. 2, pp. 20-34).

43. На этой критике еще будет сделан акцент во втором, исправленном издании, в 1922 году (см. в особенности pp.179-199). (cf. en particulier les pp. 179-199).

44. Der preussische Stil, R. Piper & Co., München 1916, p. 170.

45. Op. cit., p. 126.

46. Art. cit., p. 152. То же самое констатирует Фриц Штерн: «Он не менялся, времена менялись». (The Politics of Cultural Despair. A Study of the Germanic Ideology, University of California Press, Berkeley-Los Angeles 1961, p. 225 ; trad. fr. : p. 238).

47. Op. cit., pp. 157-158.

48. Enquête sur la monarchie, Nouvelle Librairie nationale, 1909, p. 509 (éd. de 1918 : p. 504 ; éd. de 1925 : p. 423). «На деле, - писал Моррас, - революция никогда не увенчается успехом, в особенности консервативная революция, реставрация, возвращение порядка при помощи определенных административных и военных элементов». Это высказывание, уже отмеченное Армином Мелером, приводит Денис Гедель, чтобы написать, что Моррас был «единственным, кто применил эту концепцию во Франции». Это утверждение не совсем точное. Гюнтер Машке сообщил нам (в письме от 15 июля 1990 года) о статье, вышедшей 20 декабря 1851 года в журнале «Ле Женева», который комментировал государственный переворот Наполеона III такими словами: «Волей провидения подлинная консервативная революция совершилась во Франции благодаря дисциплине армии и террору, повлекшему анархию». Представление о консервативной революции часто встречалось у неконформистов тридцатых годов: «Для нас идея революции неотделима от идеи порядка (...) Когда порядка больше не существует, необходимо, чтобы он возник благодаря революции: единственная революция, которую мы предвидим, это революция порядка» (Robert Aron et Arnaud Dandieu, La révolution nécessaire, Bernard Grasset, 1933, p. XIV ; rééd. : Jean-Michel Place, 1993). Во всем, чем мы живем, набожные и скептики, монархисты и республиканцы, в том, как мы рассуждаем в соответствии с воспринятыми идеями и устоявшимися интересами, мы консерваторы; в том, как мы подчиняемся тайным инстинктам, оккультным силам, которые давят на нас, устремлениям сделать в целом лучшим то, что предлагают нам обстоятельства, мы революционеры. Впрочем, что

касается окончательной цели, только здесь две Франции могут стать одним целым; двойное течение, которое уносит нас, одних налево, а других направо, обращается в одно и то же самое движение» (Confession, p. 308).

49. « Russische Anthologie », in *Süddeutsche Monatshefte*, février 1921, текст переиздан в *Rede und Antwort*, S. Fischer, Berlin 1922, p. 236.

50. « Naturrecht und Humanität in der Weltpolitik », in *Deutscher Geist und Westeuropa. Gesammelte kulturphilosophische Aufsätze und Reden*, Tübingen 1925, pp. 3-27.

51. *Das Schrifttum als geistiger Raum der Nation*, Bremer Presse, München 1927 (repris in *Gesammelte Werke. Prosa IV*, Frankfurt/M. 1966, pp. 390-413).

52. Об истории синтагмы см. Armin Mohler, *Die konservative Revolution in Deutschland, 1918-1932. Ein Handbuch*, Wissenschaftliche Buchgesellschaft, Darmstadt 1972, pp. 9-12 ; et Denis Goedel, Moeller van den Bruck (1876-1925), un nationaliste contre la révolution, op. cit., pp. 7-26. Гедель сообщает, что эквивалентное выражение («радикально-консервативный») встречается у Пауля де Лагарда уже в 1853 году. См. также Edgar J. Jung, « Deutschland und die konservative Revolution », in E.J. Jung (Hrsg.), *Deutsche über Deutschland*, Langen-Müller, München 1932, pp. 369-383 ; и статью Вильгельма Рёсля «Konservativer Revolutionär », опубликованную в «Berliner Börsenzeitung» 30 мая 1935 года к десятой годовщине смерти Мёллера. Критическая точка зрения представлена в Stefan Breuer, «Die “Konservative Revolution” - Kritik eines Mythos », in *Politische Vierteljahresschrift*, décembre 1990, 585-607 ; и *Anatomie der Konservative Revolution*, Wissenschaftliche Buchgesellschaft, Darmstadt 1993.

53. Отсюда название «Движение Кольца» также используется для обозначения этого движения. В 1928 году еженедельник «Дер Ринг», орган «Клуба господ», пришел на смену газете «Июньского клуба», «Гевиссен», которая также уже носила эмблему Кольца.

54. Другие полюса младоконсервативного движения были представлены кружком в Гамбурге, образовавшимся вокруг Вильгельма Штапеля (1882-1954), автора книги «Христианин в роли государственного деятеля», который стал объектом для яростных атак со стороны национал-социалистического режима, после того, как в 1933 году он отказался вступить в НСДАП; кружок в Мюнхене вокруг Эдгара Ю. Юнга (1894-1934), с 1932 года сотрудничавшего с фон Папеном, арестованного и убитого нацистами во время чистки в июне 1934 года; кружок в Вене, вокруг Отмара Шпана (1878-1950), «австрийского Морраса», автора знаменитой книги «Подлинное государство» (1921). Помимо этих кружков, необходимо также упомянуть отдельных младоконсерваторов, таких как Август Винниг (1878-1956), который некоторое время сотрудничал с Эрнстом Никишем в редакции журнала «Видерштанд», геополитиком Карлом Хаусхофером (1869-1946), бывшим начальником штаба Гансом фон Зектом (1866-1936), Гансом Фраером (1887-1968) и т.д.

55. *Vandenhoeck u. Ruprecht*, Göttingen 1932.

56. Op. cit., p. 108.

57. *Langages totalitaires*, Hermann 1972.

58. Штрассер, который станет «Троцким национал-социализма», позднее вспоминал фигуру своего «старого товарища, незабвенного Мёллера ван ден Брука, Жана-Жака Революции», описывая его как «самого безупречного среди нас человека» (Hitler et moi, Bernard Grasset, 1940, pp. 23-24 et 35 ; cf. aussi Hitler and I, Houghton Mifflin Co., Boston 1940, p. 27). Но, напротив, совершенно неверно, что он претендовал на роль одного из основателей Июньского клуба — чьим членом он даже не был.

59. Fritz Stern, op. cit., p. 228 (trad. fr. : p. 240).
60. Das Gewissen, 24 juin 1919.
61. Ганс-Иоахим Швирскотт составил якобы исчерпывающий список почти 135 сотрудников газеты (Arthur Moeller van den Bruck und der revolutionäre Nationalismus in der Weimarer Republik, Musterschmidt, Göttingen 1962). Кроме Мёллера ван ден Брука, здесь можно найти имена Геомана Альбрехта, Карла Бляйбтрау, Ганса Блюхера, Макса Хильдеберга Бема, Пауля Дена, Фрица Дессау, Пауля Эрнста, Пауля Фехтера, Вилли Глазeboка, Генриха и Александра фон Гляйхен-Руссвурма, Ганса Гримма, Карла Хаусхофера, Эдгара Ю. Юнга, Пауля Лежене-Юнга, Рудольфа Пехеля, Вильгельма Шефера, Франца Шаувекера, Людвиг Шеманна, Ганса Шварца, Мартина Шпана, Вальтера Шотте, Германа Ульмана и т.д.
62. И также в связи с этим учреждением, как пишет Жан-Пьер Фай, который в неудовлетворительной степени воспользовался этими источниками.
63. О Politische Kolleg für nationalpolitische Bildungsarbeit см. Heinrich von Gleichen, « Das Politische Kolleg », in Deutsche Rundschau, avril 1921 ; и Klaus-Peter Hoepke, « Das Politische Kolleg », in Mitteilungen der Technischen Universität Carolo-Wilhelmina zu Braunschweig, 1976, 2, pp. 20-25.
64. Walter Struve, Elites Against Democracy, Princeton University Press, Princeton 1973, p. 227.
65. Hans Zehrer, Die Tat, 20, 1928-29, p. 465.
66. « Wandlungen der sozialen und politischen Weltanschauung des Mittelstandes », in Der Ring, 30 mai 1931.
67. Op. cit., pp. 115-116.
68. Ibid., p. 139.
69. « Volkserhaltung », in Deutsche Rundschau, 1930, 222, p. 188.
70. Lettre à Armin Mohler, 12 octobre 1948, процитированное Мёллером, op. cit., pp. 60-61.
71. Fritz Stern, op. cit., p. 223 (trad. fr. : p. 236).
72. Der politische Mensch, hrsg. von Hans Schwarz, Wilhelm Gottl. Korn, Breslau 1933, p. 43.
73. Ruf der Jungen. Eine Stimme aus dem Kreise um Moeller van den Bruck, 3ème éd., Urban, Freiburg i.Br. 1933, p. 21.
74. Cf. Fritz Stern, op. cit., p. 225 (trad. fr. : p. 238).
75. « Die Front der Jungen », in Süddeutsche Monatshefte, octobre 1920, pp. 8-20 ; cf. aussi Moeller van den Bruck, « Die Ideen der Jungen in der Politik », in Der Tag, 26 juillet 1919.
76. Gewissen, 26 janvier 1921.
77. « Das Recht der jungen Völker », in Deutsche Rundschau, novembre 1918, pp. 220-235.
78. Вопреки тому, что часто о нем писали, Шпенглер не был членом Клуба. Клеменс фон Клемперер (op.cit., p.109) и Швирскотт (op.cit., pp.134-135), напротив, утверждают, что его туда приглашали.
79. « “Der Untergang des Abendlandes”. Für und wider Spengler », in Deutsche Rundschau, juillet 1920, pp. 14-70 ; texte repris in Das Recht der jungen Völker. Sammlung politischer Aufsätze, hrsg. von Hans Schwarz, Der Nahe Osten, Berlin 1932 (« Die Auseinandersetzung mit Spengler », pp. 9-39).
80. Op. cit., p. 238 (trad. fr. : p. 250).
81. « Antwort an Barrès », in Gewissen, 21 avril 1920 ; texte repris in Das Recht der jungen Völker (1932), op. cit., p. 51.
82. « Frankreich », in Gewissen, 21 avril 1920 ; texte repris in Das Recht der jungen Völker

(1932), op. cit., p. 43.

83. См. Работы Константина Франца (1817-1891): «Новая Германия» (1871), «Закат старых партий и политика будущего» (1878) и «Мировая политика» (1882). Франц предлагал создать на территории Центральной Европы обширное федеративное государство как альтернативу малой унитарной Германии Бисмарка.

84. Автор труда настаивал, однако, прежде всего на Балканах и Юго-Восточной Европе, в то время как Меллер делал акцент на Балтике. Будучи протестантским пастором, Науманн основал 1896 году Социально-национальный Союз, который пытался, без особого успеха, привлекать рабочих, бывших социал-демократами. Он был депутатом рейхстага с 1907 года и принимал активное участие в деятельности Национальной ассамблеи в Веймаре в 1919 году.

85. F.M. Dostoewskij, *Sämtliche Werke*, 2ème éd., R. Piper & Co., München 1922, vol. 1, p. VI.

86. « Der Sieg Lenins », in *Gewissen*, 30 mars 1921.

87. « Dostojewski als Politiker », in *Gewissen*, 31 octobre 1921.

88. « Politik wider Willen », in *Gewissen*, 24 avril 1922 (article non signé).

89. « Die deutsch-russische Seite der Welt », in *Gewissen*, 15 mai 1922.

90. «Азия это наша Америка», - воскликнул уже Меньшиков во время первой мировой войны. «В Европе, - добавил он, - мы рабы. В Азию мы прибываем как господа. В Европе мы были татарами. В Азию мы приходим как европейцы». Известен также возглас Достоевского, который он сделал за несколько часов до своей смерти: «В Азию! В Азию!»

91. *Völkischer Beobachter*, 16 août 1923.

92. « Der Wanderer ins Nichts », in *Gewissen*, 2 juillet 1923 ; « Radek noch einmal. Die "Arbeiter- und Bauernregierung". Der dritte Standpunkt », in *Gewissen*, 16 juillet 1923 ; « Wirklichkeit », in

Gewissen, 30 juillet 1923. Эти три текста, также как речь Радека, были воспроизведены в «Праве молодых народов» (1932), op.cit., pp.75-100. Со стороны коммунистов эти тексты также были опубликованы в форме брошюры, наравне с материалами Ревентлова и Фрелиха (*Schlageter. Eine Auseinandersetzung, Vereinigung Internationaler Verlags-Anstalten*, ca. 1923).

93. В то же самое время, как это заметил Луи Дупекс, эта «линия Шлагетера» предполагала, что «коммунисты во все большей степени стали бы признавать значимость среднего класса в современном обществе (...) они во все большей степени осознавали бы, завоевание этого класса на свою сторону является абсолютно необходимым условием победы немецкой революции». (*Stratégie communiste et dynamique conservatrice. Essai sur les différents sens de l'expression « national-bolchevisme » en Allemagne, sous la République de Weimar, 1919-1933, Université de Lille III et Honoré Champion, 1976, p. 30*).

94. После войны ему еще будет предъявлено обвинение в «национал-большевизме» со стороны коммуниста Рута Фишера. (*Stalin und der deutsche Kommunismus, Frankfurt/M. 1948 ; trad. amér. : Stalin and German Communism. A Study in the Origins of the State Party, Cambridge 1948*).

95. Rudolf Pechel, *Deutscher Widerstand*, Eugen Rensch, Erlenbach-Zürich 1947, pp. 277 ff.

96. *Gewissen*, 45, 1923. Меллер высказывал аналогичное мнение в письме Паулю Эрнсту, датированному маем 1924 года.

97. Убийство Ратенау составило один из главных эпизодов в знаменитом рассказе Эрнста фон Заломона. , *Les réprouvés*, Plon, 1931 (cf. pp. 287-289).

98. *Gewissen*, 4, 37.

99. « *Vaterland und Mutterland* », in *Grenzboten*, janvier 1920, pp. 65-72.

100. *Die Deutschen*, vol. 3 : *Verschwärmte Deutsche*, J.C.C. Bruns, Minden ca. 1905, pp. 13-14. Cf. « *Rasseanschauung* », in *Der Tag*, 9 juillet 1908 ; « *Die vierte Rasse* », in *Der Tag*, 7 août 1916 ; « *Rasse* », in *Gewissen*, 7 avril et 28 avril 1924 ; тексты были перепечатаны в *Das Recht der jungen Voelker* (1932), op.cit., pp. 193-206. См. также переписку между Меллером и Людвигом Шеманом, биографом и переводчиком Гобино на немецкий, между 1908 и 1914 гг.: « *Briefe Moeller van den Brucks an Ludwig Schemann* », in *Deutschlands Erneuerung*, juin 1934, pp. 321-327, et juillet 1934, pp. 396-399. Об использовании термина «раса» в текстах Меллера, см. cf. Denis Goedel, *Moeller van den Bruck (1876-1925), un nationaliste contre la révolution*, op. cit., pp. 465-475.

101. On reconnaît ici la critique adressée par Maurras aux théoriciens d'une France héritière du seul élément germanique, tel Boulainvilliers.

103. « *Rasse* », art. cit. Публикация этой статьи имела своим следствием возмущенное письмо молодого сторонника фелькиш, которого звали Герман Гардер. Вместе с ответом Меллера оно было опубликовано в «*Гевиссен*» за 24 апреля 1924 года. Фрагменты этой полемики были перепечатаны в «*Das Recht der jungen Voelker*» (1932), op.cit. («*Eine Zuschrift und eine Erwiderung*», pp. 207-213). «Доктор Гардер, - писал Меллер, - говорил мне о расовой душе. Эти представления никоим образом не совпадают с моим мнением. Самое главное, это история, которая сделала из рас нации». И Меллер повторяет, что, по его мнению, надо верить не в «этническое» прошлое, но в будущее нации. Он добавляет, что расизм родственен романтизму, который он уже давно подвергал критике, и что молодое поколение должно научиться думать «историко-политическими» терминами, так как его миссия заключается в том, чтобы делать историю, а не взирать на доисторические времена. Герман Гардер ответил письмом от 29 апреля 1924 года, которое не было опубликовано в «*Гевиссен*», но которое появилось десять лет позже в журнале фелькиш («*Zerreist der Nordische Gedanke das deutsche Volk? Eine Erwiderung an Moeller van den Bruck*», в *Die Sonne*, июль 1934 г., p.328-333). Меллер вроде бы собирался незадолго до своей смерти написать труд под заглавием «*Раса духа и раса крови*».

104. Op. cit., p. 35.

105. Armin Mohler, op. cit., p. 404.

106. « *An Liberalismus gehen die Völker zugrunde* », in Moeller van den Bruck, Heinrich von Gleichen et Max Hildebert Boehm (Hrsg.), *Die neue Front*, Gebr. Paetel (Dr. Georg Paetel), Berlin 1922, pp. 5-34. Книга содержит также тексты Мартина Шпана, Ганса Розелера, Вилли Шлютера, Рудольфа Пешеля, Вильгельма Штапеля, Карла Бернарда Риттера, Пауля Фехтера, Альберта Дитриха, Вильгельма фон Криса, Бернарда Леопольда, Хайнца Браувайлера, Вальтера Шотте, Германа Ульмана, Пауля Эрнства, Августа Виннига, Ганса Гримма, Карла Хоффмана, Георга Эшериха, Эдуарда Штадтлера и т.д.

107. Необходимо напомнить здесь, что начиная с 1939-40 гг. национал-социалистический режим все более отказывался от выражения «третий рейх» в пользу выражения «Немецкий рейх» (*deutsche Reich*), и это можно увидеть, наблюдая за изменением заглавий множества публикаций или официальных названий.

108. Denis Goedel, « *Moeller van den Bruck : une stratégie de modernisation du conservatisme ou la modernité à droite* », art. cit., p. 140. Гельдель сделал исчерпывающий обзор использования Меллером представления о «третьем» как «техники разрешения конфликтов». (Moeller van den Bruck, 1876-1925, un nationaliste contre la révolution, op. cit.,

pp. 426-438).

109. Op. cit., p. 254 (trad. fr. : p. 265).

110. Le déclin de l'Occident, Gallimard, 1948, vol. 1, p. 509.

111. « Der Dichter in Zeiten und Wirren », in Das neue Reich, pp. 35-39. Cf. aussi la revue Die Tat,

1918-19, pp. 642-646 et 953.

112. Nous citons Le Troisième Reich d'après la traduction française.

113. Op. cit., p. 113.

114. « Ein Wanderer ins Nichts », in Frankfurter Allgemeine Zeitung, 23 avril 1976.

115. Денис Гельдель (Moeller van den Bruck, 1876-1925, un nationaliste contre la révolution, op. cit.) показывает, что термин «социализм» является одним из ключевых слов в меллеровском словаре и что с 1918 года он используется почти всегда с позитивным значением.

116. « Die Sozialisierung der Aussenpolitik », in Der Tag, 3 mars 1919 ; texte repris in Das Recht der jungen Völker (1932), p. 112.

117. Макс Гильдебарт Бем уже выражал определенную симпатию к теориям власти советов в тексте от 1918 года, перепечатанном в исправленном виде в мае 1919 года в Ruf der Jungen, po.cit.

118. Экономические предложения Меллера во многом пересекаются с тезисами об Gemeinwirtschaft, которые поддерживал Вихард фон Меллендорф, политик, близкий к неоконсервативным кругам. Родившийся в 1881 году в Гонконге Меллендорф занимал в 1919 году пост заместителя министра экономики и умер в 1937 году. Его главные тексты были объединены под заглавием «Консервативный социализм», hrsg. von Hermann Curth, Hanseatische Verlagsanstalt, Hamburg, 1932. Меллеровский «социализм» являлся, напротив, слишком умеренным по сравнению с моделями других представителей Консервативной революции, которые упрекали его в том, что он придерживается классической разницы между промышленным капитализмом, чествуемым как позитивное явление, и капитализмом финансовым, считавшимся паразитическим, без того, чтобы затронуть саму логику капитала. Они же обвиняли Меллера в том, что он стремится адаптировать капиталистическую систему в солидаристском и корпоративном духе, ограничиваясь тем, что он хотел объединить нанимателей и наемных работников в рамках системы соучастия. Гельдель замечает, со своей стороны, что Меллер практически не интересовался средним классом (Mittelstand), в то время пребывающим в упадке.